ВВ262
П725

ПРОФ. Н. П. ПОЛЕТИКА

ПОДГОТОВКА ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 ГГ.

ОГИЗ СОЦЭКГИЗ 1934

ПРОФ. Н. П. ПОЛЕТИКА

ПОДГОТОВКА ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ВОЙНЫ

1914—1918 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗД-ВО
МОСКВА 1934 г.

Брошюра Н. П. ПОЛЕТИКА—„Подготовка империалистской войны 1914—1918 гг.“ дает в сжатой популярной форме предисторию мировой войны и анализ внутренних противоречий, ее породивших. Очерк рассчитан на широкий читательский актив.

1986
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009

ВВ262
П725

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

379
34

182229

Глава I

ПРИЧИНЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

Неизбежность войн при капитализме

Ровно 20 лет назад вспыхнула самая ужасная и самая кровопролитная война, которую когда-либо видел свет. Она продолжалась 4 года. За эти 4 года было убито около 10 миллионов человек, ранено около 20 миллионов человек. Целые страны были разорены, миллионы рабочих и крестьян перенесли неслыханные лишения и муки. Расходы по этой войне составляли даже по подсчетам буржуазных ученых свыше 700 миллиардов рублей золотом. Война окончилась в 1918 г. империалистическим миром: страны-победительницы — Англия, Франция, Италия — поживились за счет побежденных стран — Германии и ее союзников: Австро-Венгрии, Болгарии, и Турции.

Почему же началась эта кровавая человеческая бойня в 1914 г.? Ведь ни рабочим, ни крестьянам всего мира эта война не была нужна; им далеки были грабительские цели и они не собирались убивать друг друга. Правящие классы бросили их на убой, на бойню, продолжавшуюся 4 года. Буржуазии удалось обмануть рабочих и крестьян и натравить их друг на друга.

Когда в 1914 г. началась война, никто и не думал, что она продлится 4 года.

Буржуазные газеты и политические деятели всех стран при поддержке социал-демократов лезли из кожи вон, чтоб доказать, что война вспыхнула случайно, что они старались предупредить войну, не допустить ее, что это война случайная, непредвиденная, возникшая только по недоразумению. Затем они стремились свалить вину за войну друг на друга. И то и другое неверно.

Этими лживыми и вздорными утверждениями капиталисты пытались обмануть массы и снять с себя ответственность за организацию этой войны, которую они активно и планомерно подготовляли. Всю эту ложь о случайности и неожиданности войны 1914 г. необходимо разоблачить, чтобы раскрыть рабочим и крестьянам глаза не только на подготовку войны 1914 г., но

и на ту подготовку войны, которая ведется сейчас империалистами против СССР.

Война 1914—1918 гг. не была случайной. Она подготовлялась империалистами на протяжении ряда лет. Почему? Потому что война неразрывна с капитализмом, она «не случайность, не «грех», как думают христианские попы... а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма *капиталистической* жизни, как и мир»[1].

В капиталистическом обществе войны всегда были и всегда будут, потому что «война,— как говорил Ленин,— есть продолжение политики иными (именно: насильственными) средствами»[2] и «притом той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны»[3]... Ленин считал, что «империалистская война 1914—1917 гг. есть продолжение империалистской политики 1898—1914 гг., если не еще более раннего периода»[4]. Капитализм, как указывали Ленин и Сталин, развивается неравномерно: «Не так, чтобы один трест, одна отрасль промышленности или одна страна шли все время впереди, а другие тресты или страны отставали последовательно одна от другой,— а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и со скачками вперед в развитии других стран. При этом «вполне законное» стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения капиталистических стран являются неминуемой необходимостью»[5].

Мировая империалистская война 1914—1918 гг.была,— указывается в «Тезисах» Комакадемии к 20-летию империалистской войны 1914—1918 гг.— «создана условиями эпохи, когда капитализм достиг высшей стадии развития, когда наиболее существенное значение имеет уже не только вывоз товаров, но и вывоз капитала; когда картелирование производства и интернационализация хозяйственной жизни достигли значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара; когда производительные силы мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных делений; когда вполне созрели объективные условия осуществления социализма»[6]. Эта война выросла из глубочайших противоречий между основными империалистскими соперниками. Раз-

---

1 Ленин, т. XVIII, стр. 70; здесь и дальше цит. по 3-му изд.
2 Там же, стр. 197.
3 Там же, т. XIX, стр. 50.
4 Там же, стр. 376.
5 Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат, 1933 г., изд. 2-е, стр. 83.
6 Ленин, т. XVIII, стр. 124—125.

витие классовых и империалистских противоречий со всей неизбежностью порождало бесконечные конфликты, серию местных войн и привело к империалистской бойне 1914—1918 гг. за передел мира. В условиях капитализма «нельзя делить иначе, как «по силе». А сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 г. Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция, Япония раз в 10 быстрее, чем Россия... При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления время от времени нарушенного равновесия, как кризис в промышленности, войны в политике»[1].

Так было и в 1914 г., когда империалистические державы начали войну, чтобы поделить мир сообразно своей силе. «В течение десятилетий, почти полувека правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России вели политику грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения»[2]. Что хотели и чего добивались германские капиталисты? Они требовали от английских капиталистов потесниться в сторону и поделиться награбленным. Английские капиталисты меньше всего собирались делиться награбленной добычей. Напротив, они сами хотели ограбить Германию, отнять захваченные германскими хищниками колонии, разорить германскую торговлю и судоходство, парализовать вывоз германского капитала.

Французские капиталисты боялись, что Германия, пользуясь своей силой, ограбит их колонии. Сами они собрались отобрать у Германии захваченные ею после войны 1870—1871 гг. области Эльзас и Лотарингию. Кроме того, французские капиталисты стремились вытеснить германский вывоз капитала, шедший в те страны, которые французский капитализм считал своими монопольными рынками для вывоза капитала.

Русские помещики и капиталисты боялись, что Германия превратит царскую Россию в свою колонию и захватит Турцию, на лучшие куски которой зарилась царская Россия. Русские империалисты мечтали ограбить как саму Германию, так и ее союзника — Австро-Венгрию и отнять часть их земель. Империалистская война 1914—1918 гг. была мировой войной, потому что она велась за передел мира, колоний, рынков вывоза капитала, рынков сбыта и источников сырья, из-за грабительских интересов империалистических держав во всех уголках земли. Одной из характерных черт этой войны было то, что она складывалась из

[1] Ленин. т. XVIII, стр., 232.
[2] Ленин, т. XVIII, стр. 197.

нескольких войн:— англо-германской, франко-германской, австро-германско-русской и австро-сербской. Англия, Франция и царская Россия по разным причинам находились во вражде с Германией и объединили свои силы, так как вместе было легче сражаться против Германии и ее союзников, чем в одиночку.

Ленин говорил, что война 1914—1918 гг. была порождена «империалистическими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, причем на первом месте стоят в этой войне *два* столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне — остальные несамостоятельные союзники. Оба столкновения подготовлялись *всей* политикой этих держав за *несколько десятилетий*, предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией и торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия *не могла* отстоять своего мирового господства. Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя... имеющими «священное» буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран, в частности воюет за подчинение себе Балканских стран и Турции. Россия воюет за Галицию, владеть которой ей надо в особенности для удушения украинского народа... за Армению и за Константинополь, затем тоже за подчинение Балканских стран»[1].

«Действительная сущность современной войны,— писал Ленин,— заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д.»[2]. Далее Ленин указывает, что вся экономическая и политическая история последних десятилетий подтверждает, что обе группы империалистических государств все время готовили грабительскую империалистическую войну.

Вот именно о том, что война была грабительской, империалистической, угнетательской, что она была организована капиталистами для грабежа и угнетения пролетариата и колониальных народов, что она была войной «рабовладельцев за укрепление рабства»[3],— мы должны в особенности помнить сейчас, ко-

[1] Ленин, т. XIX, стр. 280—281.
[2] Там же, т. XVIII, стр. 125.
[3] Там же, стр. 197.

гда империалисты готовят контрреволюционную войну против СССР. Рабочие и крестьяне Советского союза должны знать, почему произошла война 1914 г. и как ее организовали.

Ленин не раз указывал на важность изучения вопроса о происхождении войны 1914 г., заявляя: «Надо объяснять людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается... как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе»[1].

Нужно знать это потому, что приемы империалистических зажигателей войны остались прежними, потому что раскрытие механики их подготовительных действий в 1914 г. и ранее может принести большую пользу рабочим и крестьянам. Разоблачая перед трудящимися массами всего мира те приемы, посредством которых империалистическим поджигателям удалось организовать войну 1914—1918 гг., мы помогаем им организоваться на борьбу с империалистами, готовящими войну против СССР.

Капиталистический мир вплотную подошел к новому туру революций и войн, причем наиболее агрессивные из империалистов во всех капиталистических странах готовят войну против СССР. Особенно усердствуют германский фашизм и японский империализм. Фашистская Германия и империалистическая Япония не теряют надежды найти поддержку у определенных кругов британского империализма. Но согласие Англии на французский проект безопасности показывает, насколько затруднено создание антисоветских блоков в силу внутренних противоречий капиталистических стран. Уступка, сделанная Франции английским правительством, путает карты антисоветских группировок.

Японская военщина разрабатывает сейчас обширные планы завоевания всей Восточной Азии; она зарится на Советский Дальний Восток и нашу Сибирь вплоть до Байкала, для того чтобы впоследствии захватить в свои руки все азиатские страны. Германские фашисты открыто готовятся к нападению на СССР. Вождь германского фашизма — Гитлер — выдвигает план расширения Германии на Востоке за счет прибалтийских государств — Латвии, Эстонии, Литвы и за счет Советской Украины.

Но, подготовляя войну против СССР, империалисты одновременно очень боятся этой войны. Они понимают, что война для них самих представляет наибольшую опасность. При нынешней обостренной классовой борьбе в странах капитализма, при наличии там революционных боев (вооруженная борьба венских рабочих, события в США, в Голландии и т. д.) война опасна прежде всего для самих капиталистов.

---

[1] Ленин, т. XXVII, стр. 372.

«Как известно, во время первой империалистской войны,— говорил т. Сталин на XVII съезде ВКП(б),—тоже хотели уничтожить одну из великих держав— Германию и поживиться за ее счет. А что из этого вышло? Германию они не уничтожили, но посеяли в Германии такую ненависть к победителям и создали такую богатую почву для реванша, что до сих пор еще не могут, да, пожалуй, не скоро еще смогут расхлебать ту отвратительную кашу, которую сами же заварили. Но зато они получили разгром капитализма в России, победу пролетарской революции в России и — ясное дело — Советский Союз. Где гарантия, что вторая империалистская война даст им «лучшие» результаты, чем первая? Не вернее ли будет предположить обратное?» Империалистическая война легко может превратиться в войну гражданскую и перейти в социалистическую революцию. Наряду с этим политика мира, которую проводит наше правительство, постоянные разоблачения в наших газетах подготовки войны империалистами,— все это открывает глаза широким массам трудящихся и затрудняет империалистам организацию новой войны и в особенности нападение на СССР.

Война 1914—1918 гг. была вызвана, как уже указывалось, неравномерным развитием отдельных империалистических государств. Она выросла из борьбы империалистических стран за передел мира.

После победоносной войны с Францией в 1870—1871 гг. Германия усилилась в 3-4 раза быстрее, чем Англия и Франция. В 1871 г. отдельные мелкие германские государства объединились в одну мощную империю — Германию.

Франция, побежденная в войне 1871 г., была ограблена германским империализмом: у французских капиталистов отняли две важных области на восточной границе Франции — Эльзас и Лотарингию, изобилующие запасами химического сырья и железной руды. Кроме того, Франция должна была уплатить своей победительнице контрибуцию — дань в размере около 2 миллиардов рублей золотом.

Этот грабеж побежденного врага обеспечил германскому капитализму возможность быстрого экономического развития. После выплаты контрибуции французским правительством началось быстрое экономическое развитие Германии. «На Германию пролился дождь французских миллиардов, государственные долги были уплачены, построены крепости и казармы, возобновлены запасы оружия и амуниции. Свободный капитал... внезапно возрос в огромной степени. Миллиарды дали мощный толчок крупной молодой промышленности». Так оценивает Энгельс[1] значе-

[1] Энгельс, Жилищный вопрос, Соцэкгиз, 1932, стр. 5.

ние французской контрибуции для хозяйственного развития Германии после 1871 г.

Благодаря ограблению Франции, Германии удалось быстро развить свою промышленность. В период 1880—1890 гг. Германия становится одним из крупнейших государств мира. Выходя на второе место в Европе и на третье место в мире по добыче угля, производству железа и стали, германский капитализм в эти годы начинает ожесточенную борьбу с английским, сначала на европейском, а затем и на колониальных рынках. Более молодой и технически лучше организованный германский промышленный капитализм развивается в период 1871—1900 гг. гораздо быстрее, чем крупнейшая капиталистическая страна в Европе — Англия. К 1900 г. Германия обогнала Англию по выплавке стали, почти догнала по выплавке чугуна, отставши немного по добыче угля. Франция и другие европейские страны остались далеко позади.

По быстроте развития крупнейших отраслей промышленности германский капитализм был на первом месте. К началу XX в. промышленное развитие Германии далеко переросло внутренний рынок.

Германские товары начинают быстро завоевывать рынки европейских стран и вытесняют оттуда при помощи более низких цен английские товары, точно так же, как это делает сейчас например Япония.

Англо-германские противоречия

Бурное развитие германской промышленности и внешней торговли вызвало сильную тревогу в кругах английского капитализма. Уже в 1897 г. влиятельный английский журнал «Saturday Review» писал: «В Европе существуют две великие непримиримые, направленные друг против друг силы; две великие нации, которым хотелось бы превратить весь мир в свою вотчину и требовать с него торговую дань. Англия... Германия... соперничают в каждом уголке земного шара. Миллионы мелких столкновений создают предлог к величайшей войне, которую когда-либо видел мир. Если бы Германия была завтра стерта с лица земли, то послезавтра не нашлось бы на свете ни одного англичанина, который бы не стал от этого богаче».

Английские политические деятели открыто говорили: «Нам угрожает страшный противник, который гложет нас, как море гложет рыхлые берега. Торговля Англии сокращается непре-

рывно и то, что она теряет, приобретает главным образом Германия».

Торговая конкуренция германских капиталистов приводила в бешенство английских. Эта конкуренция могла конечно привести к войне между Англией и Германией. Однако она одна не могла еще быть причиной мировой империалистической войны.

Пока речь шла только о торговой конкуренции, английский капитализм на первых порах мог бороться с германским при помощи других средств и притом с бо́льшим успехом, тем более, что борьба из-за торговли с германским капитализмом шла только в европейских странах, а главная торговля Англии шла в колониях. В колониях же германская торговля начала развиваться только с начала нынешнего столетия.

Кроме того английский капитализм, бывший мировым морским «извозчиком», всегда мог урвать долю прибыли от германских капиталистов за перевозку их товаров на английских судах. Наконец английские капиталисты могли просто либо запретить ввоз германских товаров в свои колонии, либо обложить этот ввоз такими пошлинами, которые сделали бы цены на германские товары выше цен на английские товары. Как раз в кругах английского империализма разрабатывались в конце прошлого столетия подобные мероприятия.

Но с началом эпохи империализма положение изменилось.

Противоречия между английскими и германскими капиталистами достигли такой степени и борьба так обострилась, что уже совершенно явственно выяснилась неизбежность схватки этих крупнейших империалистических хищников за передел мира. К борьбе за рынки сбыта присоединилась борьба за рынки сырья и за рынки вывоза капитала.

Развитие германской промышленности и торговли основывалось в значительной степени на сырье, привезенном либо из других стран, либо из колоний. Поэтому, чтобы обеспечить себе возможность бесперебойного развития промышленности и торговли, германские капиталисты стараются закрепить в свое полное и единоличное пользование, или иначе выражаясь, в монополию ряд колониальных стран. Но в этом отношении германские капиталисты опоздали. К началу XX столетия раздел мира был фактически уже закончен. Другие страны, в частности Англия и Франция, опередили Германию в захвате колоний. Так например к 1870 г. Англии удалось захватить колонии общей площадью в 7,7 миллионов кв. миль с населением около 268 миллионов человек. Французские колонии были меньше и

не превышали 0,7 миллионов кв. миль с населением в 7,5 миллионов человек. Германия вовсе не имела колоний.

В условиях перехода капитализма в стадию империализма в период 1880—1900 гг. происходит громадный рост колониальных захватов и чрезвычайное обострение борьбы за передел мира. Так в период 1880—1900 гг. Англия увеличила свои колонии до 9,3 миллиона кв. миль с населением в 309 миллионов человек, Франция — до 3,7 миллиона кв. миль с населением в 56,4 миллиона человек, а Германия приобрела колоний площадью около 1 миллиона кв. миль с населением в 14,7 миллиона человек.

Таким образом к началу нынешнего столетия, когда раздел мира был в основном уже закончен, доля Германии, подоспевшей лишь к концу этого раздела, была меньше, чем Англии, Франции и даже царской России и ни в какой мере не соответствовала аппетитам германских империалистических хищников, добивавшихся полного монопольного владения колониями и рынками в целях вывоза капитала, эксплоатации населения, выкачивания сырья,— словом монопольных сверхбарышей.

Таким образом эпоха империализма начинается с подготовки вооруженной борьбы между Германией и Англией за мировое господство. Эта подготовка длится все первое десятилетие XX столетия и заканчивается мировой войной 1914—1918 гг.

Борьба за мировое господство развивается в условиях бурного хозяйственного развития Германии. В период 1901—1914 гг. Германия догоняет и даже перегоняет в некоторых отраслях промышленности Англию.

В 1913 г. Германия почти догнала Англию по добыче угля и резко обогнала ее по производству чугуна и стали. В течение 1906—1912 гг. Германии удалось догнать Англию по вывозу машин; такие новые отрасли промышленности, как электрическая и химическая, были сплошь монополизированы германскими капиталистами. Даже в судостроении, которое английские промышленники искони считали своей монополией, обнаружились тревожные признаки германского соперничества: темпы роста германского судостроения превышали темпы роста судостроения в Англии. Германия спешила построить свой торговый флот, чтобы самой стать «морским извозчиком» для своих товаров, и этот флот по своей величине уступал лишь английскому, занимая второе место в мире. В период 1902—1913 гг. германский торговый флот вырос приблизительно на 300%, английский же лишь на 50%.

Что же касается торговли, то в европейских странах германские товары успешно боролись с английскими. Английская торговля в странах Европы все время уменьшалась; Германия за-

воевывала господствующее положение на европейском рынке за счет вытеснения Англии. К этому же шло и во внеевропейских странах. Доля Германии в торговле с США, с южноамериканскими государствами, с Австралией, с такими странами как Азия, Япония, Китай и Персия, даже с колониями Англии и Франции в Африке неуклонно росла, в то время как доля Англии падала.

Германия наводнила своими товарами английские колонии. Каждый год Германия продавала своих товаров Англии приблизительно на 100 миллионов рублей золотом — больше, чем покупала в Англии.

Самое важное было то, что германский капитализм стал теснить английский капитализм и в вывозе капитала. В начале девяностых годов прошлого столетия крупнейшими странами, вывозившими капиталы, были Англия и Франция. Так в 1893 г. Англия имела около 17 миллиардов рублей золотом, помещенных за границей главным образом в колониях и в странах Северной и Южной Америки. Франция в 1890 г. имела около 8 миллиардов рублей золотом, помещенных почти исключительно в форме займов царской России, Турции, Сербии и т. д. Германский вывоз капитала был незначителен, он только к 1902 г. достиг 3,5 миллиардов рублей золотом. Но зато в период 1902—1914 гг. Германия в отношении вывоза капитала сделала резкий скачок вверх и быстро догоняла Англию и Францию. В период 1902—1914 гг. английские капиталы, помещенные за границей, выросли с 24,5 миллиардов рублей золотом до 40 миллиардов рублей золотом; французские — с 10—14 миллиардов рублей золотом до 24 миллиардов рублей золотом, а германские — с 3 миллиардов рублей золотом до 17 милиардов рублей золотом.

Германский империализм соперничал с английским в вывозе капитала в страны Америки, главным образом Южной Америки, в страны Азии — Турцию, Китай и Персию — и в страны Африки.

С французским империализмом германский соперничал в вывозе капитала в страны Европы.

Вывоз капитала был связан с притязаниями на монопольный захват рынков сбыта и сырья и превращал постепенно экономическое порабощение колониальных и полуколониальных стран в политическое порабощение, закрепляя господство империалистов над этими странами.

«Мы не можем переносить больше положения, — заявляли германские империалисты,— при котором весь мир становится владением англичан, французов, русских и японцев. Мы не можем также верить, что только мы одни должны довольство-

ваться той скромной долей, которую уделила нам судьба 40 лет назад. Времена изменились, и мы не остались теми же, и только приобретением собственных колоний мы можем обеспечить себя в будущем»[1].

И действительно с начала нынешнего столетия германский империализм ведет ожесточенную борьбу за колонии во всех частях земного шара. Всюду — в Азии, в Африке, на Тихом океане — словом, в любом уголке земного шара, он требует своей доли в колониальной добыче, но неизменно натыкается на противодействие Англии.

Особенно ожесточенно, не раз угрожая закончиться войной, протекает борьба из-за Марокко, богатой колониальной страны на северо-западе Африки, откуда французский империализм при поддержке английского выталкивал германский.

Ожесточенную борьбу вела Германия с Англией, Францией и царской Россией из-за постройки огромной железной дороги через все турецкие владения в Азии до г. Багдада.

Германским империалистам удалось в 1899 г. получить от турецкого правительства концессию на строительство этой дороги, и германские капиталисты рассчитывали, что при помощи этой дороги они могут сделать Турцию своей колонией: «Как только вся приморская часть Турции,— писала в 1903 г. германская газета «Deutsche Zeitung»,— перейдет в руки Германии, мы введем такой тариф, который положит конец всякой негерманской конкуренции. Мы соединили все железные дороги и все поиморские области в один германский трест под контролем «Deutsche Bank» (государственный банк Германии). Железная дорога должна перевозить только германские товары. Таким образом Турция станет германской колонией».

Благодаря строительству Багдадской железной дороги германский империализм укреплял свои позиции в непосредственной близости к крупнейшей английской колонии в Азии — Индии и наносил жестокий удар притязаниям русского царизма на столицу Турции, Константинополь, и на проливы, соединяющие Черное море со Средиземным, равно как и на захват царизмом турецких владений в Азии.

Получение германскими капиталистами концессии на постройку дороги привело английских, французских и русских капиталистов в неистовство.

Развертывание германским империализмом борьбы за колонии привело к постройке Германией мощного военного флота. Германские империалисты не скрывали, что их флот должен

---

[1] Резолюция пангерманской организации в Галле в 1912 г.

быть в состоянии померяться с морскими силами Англии. Такую задачу перед германским военным флотом ставили германские правящие круги, предлагая в 1900 г. парламенту (рейхстагу) утвердить закон о постройке военного флота.

С помощью огромного военного флота английские империалисты могли удерживать свое мировое господство, несмотря на то, что германские империалисты их оттеснили назад в торговле и в промышленности.

Попытки германского империализма добиться передела колоний в свою пользу были безуспешны, пока у Германии не было крупного военного флота.

Куда бы Германия ни совалась, она наталкивалась во всех уголках земного шара на английские морские станции, угольные склады, гавани и порты, которые были разбросаны по всем морям и океанам и, опираясь на которые, английский флот был хозяином на морях.

«Господствуя на море, английский король может, когда ему вздумается, взять под стражу своих соседей и все государства.»— так оценивал значение английского господства на морях знаменитый английский мореплаватель Джемс Кук.

Свое положение хозяина на морях Англия успешно сохранила в течение двух столетий. Однако постройка Германией мощного военного флота резко изменила положение.

Англии пришлось в конце концов сосредоточить большую часть своего флота в Северном (Немецком) море для того, чтобы держать в кулаке достаточную силу, способную обеспечить победу над германским флотом.

Притязания германского империализма на мировое господство показали английским империалистам, что войны с Германией им не избежать. Английский империализм начал готовиться к войне, но предварительно — в 1898—1901 гг. попробовал сговориться со своим соперником относительно передела мира. Переговоры окончились неудачей, так как германские хищники требовали от английских чересчур жирные куски без соответствующей компенсации со своей стороны. Английские хищники соглашались итти на некоторые жертвы, но требовали за это от германских ответных услуг и платы. Такой платой считалась в кругах правящих классов Англии вооруженная помощь Германии в борьбе между Англией и ее крупнейшими тогдашними соперниками — Францией и царской Россией — за колонии. Как раз в период 1890—1900 гг. царская Россия теснила английских империалистов в Азии, в частности она хозяйничала в Китае, стремясь прибрать к своим рукам Манчжурию, Корею, Монголию.

Французские же империалисты вели с английскими такую ожесточенную борьбу за колонии в Африке, которая грозила привести к войне между Францией и Англией.

Под нажимом царской России и Франции английские империалисты были не прочь столковаться с германскими. В переговорах между Англией и Германией в 1898—1901 гг. английское правительство предлагало Германии «вышибить» царскую Россию из Азии, а Францию из Африки, намекая, что после победы над Францией и царской Россией Германии можно будет ограбить последних и захватить их колонии.

Однако эти переговоры не привели ни к чему. Германские хищники боялись, что после тяжелой войны с Францией и царской Россией Германия настолько ослабеет, что будет не в состоянии настоять на выполнении Англией своих обещаний и, по выражению знаменитого германского государственного деятеля Бисмарка, окажется «большим дурнем мировой политики».

Германский капитализм боялся подвоха со стороны английского соперника и предлагал последнему заключить союз с Германией и примкнувшими к ней капиталистическими государствами. В союз этот входили в 1879—1914 гг. Австро-Венгрия и капиталистические страны на юге и юго-востоке Европы — Италия и Румыния. Руководящее положение в нем занимала конечно Германия. Хотя в этот союз входили четыре государства, однако он назывался Тройственным союзом, потому что четвертый союзник — Румыния — вступила в союз тайком.

Предложение Германии английскому империализму включиться в Тройственный союз было неприемлемо для Англии. Английские империалисты боялись, что, став участниками Тройственного союза, они тем самым поставят Германию на одну доску с собой, признают равноправие Германии с Англией в мировом господстве. Английские хищники не хотели делиться с германскими своим положением мирового грабителя. Они боялись так же быть втянутыми, как союзники Германии, в войну в таких условиях и в такую минуту, когда Англии это будет невыгодно и не нужно.

Поэтому переговоры между Англией и Германией о переделе мира закончились неудачей, о чем сейчас горько сожалеет Гитлер, предлагающий фашистскую Германию в наемники английскому империализму.

«Кровь, пролитая в 1904 г.,— ханжески заявляет он.— в десятикратном размере сберегла бы кровь, пролитую в 1914—1918 гг.»

Германский империализм запросил слишком много. Английские капиталисты отнюдь не собирались отказываться от

своего мирового господства, чего фактически от них требовали германские своим предложением присоединиться к Тройственному союзу.

Мало того. Нежелание Германии быть английским «выше-балой» говорило, что германский империализм не удовлетворится грабежом царской России и Франции, а требует большего, в частности намеревается вырвать мировое господство из рук Англии. Учтя это, английские империалисты переменили фронт и начали готовиться к войне с Германией.

Для этой цели они вступили в соглашение со своими противниками: в 1904 г. с Францией, в 1907 г. — с царской Россией и затем вместе с ними образовали империалистический блок, известный под названием Антанты. Антанта была организована исключительно для борьбы с Германией и ее союзниками — Австро-Венгрией, Италией и Румынией, составлявшими другой империалистический блок — Тройственный союз.

В результате соглашения с Францией и царской Россией противоречия между ними и Англией не были устранены, а только разрешение их было отложено на более отдаленный срок. Английским империалистам это удалось сделать, потому что противоречия царской России и Франции с Германией в те годы были главнейшими для этих стран.

С другой стороны, и Франция и царская Россия считали угрозу германского империализма своим грабительским планам настолько опасной, что с охотой согласились на предложение Англии объединиться против Германии. Царский посол в Лондоне граф Бенкендорф метко назвал Антанту «кооперацией интересов», само собой разумеется, империалистических и грабительских интересов.

Конечно эта «кооперация интересов» была временной и строго ограниченной — только для борьбы против Германии и для ее разгрома. Между Францией и Англией и в особенности между царской Россией и Англией имелись такие сильные противоречия, которые тоже могли привести к войне между ними.

Царизм считал Англию не меньшим своим врагом, чем Германию, но он надеялся при помощи Англии разбить Германию, а затем при помощи Германии разбить и ограбить Англию.

«Задача империалистской политики России,— писал во время войны 1914—1918 гг. Ленин,— определяемая вековым соперничеством и... международным соотношением великих держав, может быть коротко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии *и той же* Германии раз-

ить Англию в Азии, чтобы отнять *всю* Персию, довести до кон- раздел Китая и т. п.»[1].

Таким образом в начале нынешнего столетия Европа раз- илась на два империалистических враждующих лагеря, гото- вшихся к войне друг с другом,— Антанту и Тройственный юз.

Понятно, что противоречия между Англией и Германией, толкавшие их к войне друг с другом, были противоречиями меж- правящими классами этих государств. Спор между англий- кой и германской буржуазией шел из-за того, кому следует ладеть миром, кто может и имеет «право» грабить малые и сла- ые страны и колонии.

Правящие классы Германии — помещики и буржуазия — истематически подготовляли войну, стремясь к господству над иром. Между буржуазией и помещиками в вопросе о войне елось лишь одно «разногласие», а именно: когда выгоднее анести решающий удар и в каком направлении. Помещики ребовали в первую очередь войны против Франции и царской ссии, буржуазия (представители тяжелой промышленности, нешней торговли, судоходства) требовала войны в первую оче- дь против Англии.

Германский капитализм оттягивал войну до тех пор, пока будет построен мощный военный флот, чтобы разгромить нглию на море.

Но правящим классам пришлось поспешить, так как в по- тической жизни Германии в первые годы нынешнего столетия зко обозначился рост германского пролетариата. Ярким симп- мом этого роста явилась победа на выборах 1912 г. германской оциал-демократической партии, собравшей 4 250 000 голосов и олучившей 110 депутатских мест в германском парламенте ейхстаге), и правящие классы Германии были серьезно встре- жены этим фактом. Правда германская социал-демократия, к указывает т. Сталин, являлась блоком мелкобуржуазных и ролетарских элементов. Правое крыло ее, которое Ленин на- вал «социал-империалистами», руководившее партией, полно- ью поддерживало буржуазию и помещиков в организации и одготовке войны. Центристская группировка партии, стоявшая ежду правыми и левыми, во главе с Каутским, проводила ту же амую политику, но только более тонко и хитро, прикрывая ее евой фразой. Левые социал-демократы, к которым принадле- али тогда Роза Люксембург и Карл Либкнехт, вели борьбу ротив подготовки войны, разоблачая перед широкими массами

[1] Ленин, т. XIX, стр. 281.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

эту подготовку. Однако они делали это непоследовательно допустили ряд ошибок в борьбе с империализмом, в частност в вопросе о превращении империалистической войны в войн гражданскую. И все же левые немало сделали в борьбе проти империалистской войны. Известно, как встревожило германски империалистов разоблачение в 1913 г. Карлом Либкнехтом про воцирующей войну деятельности германских фабрикантов, изго товлявших военное снаряжение (Круппа, Эргарта).

Единодушие германской буржуазии и помещиков и по держка социал-империалистов объясняют ту совершенно непри крытую и откровенную пропаганду войны, которая усилен проводилась в период 1900—1914 гг.

Буржуазная германская газета «Почта» («Die Post») 1912 г. писала: «Все мы знаем, что только в наступательно войне Германия найдет свое спасение. Оборонительное положе ние означает самоубийство. Мир явится не только позоро для нас, но и концом всего».

О войне не переставали думать и английские империалисты В Англии вначале подготовку к войне берут на себя английски консерваторы, которые в период 1901—1905 гг. пытаются выну вать войну с Германией. Для этой цели они заключают в 1904 соглашение с Францией. Но открытая подготовка войны консер ваторами потерпела неудачу, вызвав недовольство широких масс Тогда приходит к власти правительство либералов, которое им ло задание подготовить войну тайком, исподтишка, обманув ши рокие массы наружным «миролюбием».

Либеральное правительство в период 1905—1914 гг., после довательно и планомерно обманывая массы показным «мир любием», подготовляло войну и в 1914 г. бросило на убо миллионы английских рабочих и крестьян.

Здесь именно раскрывается одна из тайн, в которой, ка говорил Ленин, рождается война.

Вопросы организации войны были сосредоточены в особо военно-техническом совете — «комитете имперской защиты (Комитет по защите Британской империи), который вел эт подготовку, опираясь на английскую военщину, на генеральны и морской штабы.

Английский рабочий класс в 1914 г. был обманут пацифи стскими программами и показным «миролюбием» либерало Верхушка английского рабочего класса была подкуплена буржу зией. В результате в среде английских рабочих наиболее прив легированные слои, руководимые лейбористской партией, яви лись тормозом для борьбы английского пролетариата проти войны.

В течение 1901—1914 гг. английские империалисты планомерно готовились к войне. Поэтому все их попытки найти соглашение с германскими империалистами были лишь маневром, имевшим целью переложить на противника ответственность за войну.

Английское министерство иностранных дел предлагало следующий образ действий: «Проявлять по отношению к Германии неизменную вежливость и внимание во всех вопросах общего характера, но вместе с тем немедленный и твердый отказ вступать в какие бы то ни было соглашения и сделки и самую непреклонную решимость поддерживать английские права и интересы в каждом уголке земного шара».

Таковы были позиции «атаманов» «каждой разбойничьей шайки, т. е. Англии и Германии»[1], в борьбе за мировое господство.

Но война 1914—1918 гг. была не только англо-германской войной, а мировой войной. И Англия и Германия имели каждая своих союзников, у которых было немало противоречий с государствами враждебного империалистского блока. Наряду с англо-германскими противоречиями и враждой росла и развивалась франко-германская вражда, русско-германские и русско-австрийские противоречия, борьба между Австрией и Сербией.

Франко-германские противоречия

После франко-германской войны 1870—1871 гг. французская буржуазия не теряла надежды на возвращение потерянного и вела подготовку к борьбе с Германией. Усилившаяся после войны Германия была мощным противником, и у французской буржуазии для самостоятельной борьбы с Германией сил нехватало. Разница в соотношении сил Франции и Германии со временем все больше увеличивалась, потому что Германия развивалась гораздо быстрее, чем Франция. Пока Германия быстрыми шагами протискивалась в ряды крупнейших промышленных государств, французская промышленность развивалась весьма слабо, так как французские капиталисты предпочитали вкладывать свои деньги не в промышленность, а в займы другим странам.

Так в период 1889—1908 гг. французскими банками было вложено в отечественную промышленность всего около 900 миллионов рублей золотом, в то время как за этот же период фран-

---

[1] Ленин, т. XIX, стр. 365.

цузские банки одолжили в порядке займов за границу почт
10 миллиардов рублей золотом.

Одной из главных причин недостаточного развития фра
цузской промышленности было несоответствие между запасам
угля и запасами железной руды во Франции. Французская м
таллургия получала уголь либо из Англии, либо из Германи
Так как французская металлургическая промышленность бы
сосредоточена на границе с Лотарингией, отнятой после войн
1870-1871 гг. Германией, то понятно, что главный ввоз угля -
кокса — (78%) шел из Германии. Не имея возможности испол
зовать свои богатые залежи железной руды, Франция вывози
железную руду в Германию и Англию.

Таким образом получалось, что благодаря своему бога
ству углем Германия держала на положении заложника фра
цузскую металлургическую промышленность, почти целиком с
средоточенную на востоке Франции, по-близости от германск
границы. В свою очередь огромный экономический рост Герм
нии как промышленной страны был отчасти основан на захва
Германией Лотарингии с ее огромными залежами руды. 75
германской добычи железной руды падали на захваченну
Лотарингию. Германское промышленное могущество было созд
но и основано на грабеже.

Учитывая это обстоятельство, один из органов францу
ских биржевых кругов писал в 1911 г.

«Если допустить, что Эльзас и Лотарингия снова сделают
французскими, то германский империализм окажется лишенны
20 миллионов тонн ежегодной добычи железной руды. В Берл
не о таком несчастии не могут думать без содрогания. Таки
образом — насмешка судьбы — побежденный держит в насто
щее время в своих руках будущее добычи железа, т. е. промы
ленное будущее победителя. Германия без Эльзас-Лотаринги
будет вынуждена выпрашивать руду у всего света».

Зависимость Франции от Германии в отношении угля,
частности кокса, и зависимость Германии от Франции в отн
шении железной руды была одним из основных источник
франко-германского противоречия.

Французские капиталисты считали наиболее подходящ
путем развития французской промышленности путь войны
Германией, чтобы отобрать Эльзас-Лотарингию. В свою о
редь германский капитализм желал настолько обезвреди
Францию, чтобы у французских правящих классов была уби
всякая надежда на возврат Эльзас-Лотарингии.

С началом эпохи империализма эти противоречия меж
Францией и Германией осложняются соперничеством в выво

капитала. Французские капиталисты считали вывоз капитала своей монополией. Но в эпоху империализма и Германия приступила к широкому вывозу капитала и притом как раз в те страны, которые французские капиталисты считали своими.

По данным, приведенным Лениным, Германия усиленно соперничала с Францией в Европе, имея в 1910 г. около 9 миллиардов золотых рублей капиталовложений в европейских странах против 10,5 миллиарда рублей золотом французских вложений.

По размерам своих капиталовложений в Азии, Африке и Австралии германские капиталисты почти догнали французских. В этих странах германские капиталисты имели в 1910 г. около 3,2 миллиарда рублей золотом капиталовложений; французские капиталисты имели 3,8 миллиарда рублей золотом.

В течение 8 лет (1902—1910 гг.) Германия по темпам своего вывоза капитала почти догнала тогдашнего ростовщика и банкира Европы — Францию. Наиболее обостренная борьба за вывоз капитала между Францией и Германией, развивалась в отношении царской России, Австро-Венгрии, Турции, балканских государств, Китая, Африки, южноамериканских стран.

Эти противоречия между французским и германским империализмом дополнялись и обострялись борьбой между Германией и Францией за колонии.

Особенно остро развернулась борьба между Францией и Германией из-за богатой страны на северо-западном побережье Африки — Марокко.

В торговле Марокко на долю Германии приходилось около 30%, в промышленных предприятиях — от 30 до 40%. Германские фирмы сумели получить в Марокко гораздо больше земельных концессий, чем английские или французские. Поэтому германские империалисты считали, что они смогут в конце концов получить преобладающее экономическое влияние в Марокко.

Однако Германии не удалось захватить Марокко.

Франция, Англия и Испания тайком договорились друг с другом за спиной германского империализма, что четыре пятых Марокко должны стать французской колонией, а одна пятая испанской. Официально же Марокко считалось независимым государством, в колониальной эксплоатации которого все крупнейшие империалистические государства принимали «посильное» участие.

Когда германские империалисты узнали об этой тайной сделке, они пришли в ярость и стали бряцать оружием.

В течение 1905—1911 гг. спор между Францией и Гер нией из-за Марокко три раза чуть не приводил к войне и ок чился тем, что при поддержке Англии и в обмен за уступ части колоний в Африке французскому империализму удал добиться от Германии признания Марокко французской ко нией.

Таковы были противоречия между французскими и г манскими империалистами.

Франко-германские противоречия могли быть разреше только войной. Французские и германские империалисты у ленно к ней готовились.

Французская буржуазия вела подготовку к войне, прикр ваясь лозунгами защиты отечества. Чтобы удобнее было ве подготовку к войне, французский империализм передал в пери 1906—1911 гг. власть в руки мелкобуржуазной радикальн партии. Руководители радикалов активно подготовляли во под маской уступчивости и наружного примирительного тона отношению к Германии.

Русско-германские и русско-австрийские противоречия

Выбор русским империализмом в качестве первого проти ника Германии, а не Англии, и его вступление в блок со сво соперником в колониальных захватах, Англией, были далеко случайны.

Проникновение германского империализма в Турцию угр жало грабительским притязаниям царизма на Константинопо и проливы. С другой стороны с конца прошлого столетия меж германскими и русскими капиталистами начинается борьба рынки, а германские и русские помещики соперничают друг другом из-за вывоза хлеба.

Молодой русский капитализм пытается обеспечить себе м нополию на внутренний рынок, наводняемый германскими тов рами. С этой целью царское правительство, учитывая интер сы русской буржуазии, повышает таможенные пошлины на вв таких германских товаров, которые производились в царск России, в частности на текстильные товары. Русские заводчи и фабриканты, осваивая новые отрасли промышленности, доби вались повышения пошлин на соответствующие товары, ввози мые из Германии. Такое повышение пошлин вело к столкн вению с германскими заводчиками и фабрикантами, считавшим царскую Россию как бы своим колониальным рынком.

В русско-германском торговом договоре 1894 г. русскому капитализму удалось оттеснить и сократить апетиты германских капиталистов в отношении русского рынка. Но в договоре 1904 г. царское правительство пошло на большие уступки Германии, чтобы задобрить ее во время русско-японской войны. Этот договор облегчал ввоз германских товаров в царскую Россию.

Острые противоречия сосредоточились вокруг торговли. Русский капитал всеми силами старался не допустить проникновения в Россию германских товаров. Но германские фирмы начали открывать свои магазины в самой России, разослали по всем углам царской России своих торговых агентов и стали успешно конкурировать с русскими капиталистами.

Понятно, что русские Тит Титычи с пеной у рта кричали о германском засилии, мечтая о погромах германских магазинов еще до начала войны 1914 г.

Ко всему этому обострилась борьба между русскими и германскими помещиками из-за вывоза хлеба. Русские помещики центрально-черноземных губерний издавна ввозили зерно в Германию, успешно конкурируя с германскими помещиками. Германское правительство ввело в 1887 г. пошлину в 23½ рубля на каждую тонну ввозимого хлеба, чтобы урвать часть прибыли у русского помещика и заставить царское правительство снизить пошлины на ввозимые из Германии товары. По русско-германскому договору 1894 г. царизму удалось добиться снижения пошлин на ввозимый русскими помещиками хлеб, но в договоре 1904 г. эти пошлины были снова повышены до 28 рублей за тонну.

Ввоз русского зерна в Германию увеличился в период 1901—1910 гг. втрое — с 66 миллионов пудов до 196,7 миллиона пудов. Благодаря пошлинам русские помещики теряли в год до 45—50 миллионов рублей прибыли.

Германские помещики, пользуясь защитой пошлин, стали при денежной поддержке своего правительства ввозить муку в прибалтийские губернии, Финляндию, русскую Польшу. Ввоз хлеба и муки из Германии в царскую Россию достиг таких размеров, что в 1914 г. царское правительство установило пошлины за ввозимый хлеб из Германии, чтобы защитить русского помещика от ввоза германского хлеба и муки.

Проникновение германского империализма в Турцию, начавшееся в начале нынешнего столетия, еще больше усилило вражду между русскими и германскими империалистами. Царская Россия, считавшая Турцию и балканские государства своей

будущей вотчиной, видела, как более сильный хищник, гро вырвать у нее ее будущую добычу.

Царизм в течение двух столетий стремился захватить в св руки Константинополь и проливы, соединяющие Черное море Средиземным, и стать хозяином в Турции. Постройка герма скими капиталистами Багдадской железной дороги имела цель превратить Турцию в колонию Германии. Понятно, что вой между русскими и германскими хищниками из-за того, кто б дет грабить Турцию,— была неизбежной.

Свои притязания на Константинополь и проливы цари прикрывал дешевыми фразами о помощи «братьям-славяна Балканского полуострова, страдающим под турецким игом Но об этой помощи царизм никогда в действительности думал. Для него балканские государства были проезжей дор гой, по которой он мог добраться до Константинополя и пр ливов.

Помощь «братьям-славянам» была лишь удобным предл гом для постоянного вмешательства в дела Турции.

Противоречия между царской Россией и Австро-Венгри заключались в том, что Австро-Венгрия стремилась захватит в свои руки западную половину Балканского полуостров Австро-венгерские империалисты хотели добраться до одно из важнейших портов Средиземного моря — Салоник. Они х тели, захватив Салоники, подчинить своему влиянию Балканы Малую Азию и запереть царскую Россию в Черном море.

Царизм со своей стороны стремился ограбить Австр Венгрию, захватив ее области, населенные славянскими наро ностями, в особенности Галицию, выгнать австро-венгерски империалистов с Балканского полуострова, раздробить и умен шить Австро-Венгрию, чтобы избавиться от неприятного сос да — союзника Германии.

Эти противоречия вызвали поворот царской России от ст летней «дружбы» с Германией к сближению с Францией, а з тем и с Англией.

Франция и Англия, в течение всего прошлого столети противодействовавшие притязаниям царской России на Констан тинополь и проливы, теперь, нуждаясь в русском пушечно мясе, делали вид, что они соглашаются при известных услови ях, а именно при участии царской России в войне с Германией на захват царизмом Константинополя и проливов.

Другой причиной поворота царской России на сближени с Францией и Англией явился разгром царизма на Дальне Востоке в русско-японской войне 1904 г.

В конце прошлого столетия царская Россия вела политику широких колониальных захватов в Китае. Это нарушало здесь грабительские интересы английского и японского империализма. Царизм мечтал ни много ни мало, как о захвате Манчжурии, Монголии, Кореи и всего Северного Китая.

Германские империалисты подталкивали правящую клику царизма на такую политику захватов, рассчитывая втравить царскую Россию в войну с Англией. Но английские империалисты оказались хитрее германских. Они втравили Японию в войну с царской Россией и помогли Японии деньгами, снаряжением, и советами своих военных и морских специалистов.

При помощи и поддержке Англии Японии удалось выдержать войну с царской Россией и захватить южную часть Манчжурии и половину острова Сахалина.

Царизм был сильно побит в этой войне. Царская Россия потеряла почти весь свой флот, израсходовала огромные запасы военного снаряжения.

После неудачной русско-японской войны царизм стал уступчивее и, когда английские империалисты предложили сговориться о совместном грабеже Азии и намекнули, что царская Россия после разгрома Германии получит Константинополь и проливы, царизм согласился присоединиться к Англии и Франции для войны с Германией.

Но соглашение с Англией, заключенное в 1907 г. относительно раздела Персии и других государств в Средней Азии, ни в какой мере не устраняло противоречий между русскими и английскими империалистами.

В Турции, Персии, Афганистане, Тибете между русскими и английскими империалистами даже после соглашения шла усиленная борьба, так как никто из них не хотел уступать другому добычи. Но эти противоречия были противоречиями частного характера, и царизм считал, что раньше нужно при помощи Франции и Англии разбить Германию, а затем уже рассчитаться и с Англией.

С Францией царская Россия находилась в союзнических отношениях еще с 1890-1891 гг. До русско-японской войны руководящей державой, игравшей первую скрипку в Союзе, была царская Россия. После русско-японской войны и разгрома военной мощи царской России эту первую роль начала играть Франция, которая финансировала при помощи займов подготовку царизма к войне. Парижская биржа связала царскую Россию золотой цепочкой займов,

Австро-сербские противоречия

Австро-Венгрия была «тюрьмой народов». Власть находи
лась здесь в руках кучки австрийских и венгерских (мадьярских
помещиков и капиталистов, которые пользовались всеми права
ми и привилегиями и угнетали огромное большинство многона
ционального населения Австро-Венгрии, состоящее, кроме авст
рийских немцев и мадьяр, из сербов, хорватов, чехов, а так
итальянцев, румын и т. д.

Господствующие классы Австро-Венгрии жестоко пресле
довали национальное движение в захваченных ими южносла
вянских землях, так как это движение было направлено проти
австро-венгерского гнета.

В условиях империалистских противоречий это национально
освободительное движение в южнославянских землях Австро
Венгрии приобретало весьма часто благодаря поддержке сербско
буржуазии националистический оттенок. Сербская буржуази
поддерживала это движение постольку, поскольку оно было е
выгодно. Она предавала это движение в тех случаях, когда де
тельность южнославянских организаций не соответствовала и
тересам правящих классов Сербии.

Национально-освободительное движение южных славя
использовалось сербской буржуазией, так как австро-венгерски
империалисты, стремясь захватить в свои руки западную поло
вину Балканского полуострова, хотели уничтожить Сербию ка
самостоятельное государство и включить ее в состав Австро
Венгрии.

Опираясь на поддержку царской России, правящие кру
Сербии поддерживают национально-освободительное движени
южных славян для борьбы против Австро-Венгрии. Сербска
буржуазия ставит своей задачей создание «Великой Сербии»,
состав которой кроме Сербии должны были войти южнослав
ские земли, захваченные Австрией — Босния, Герцеговина, Хо
ватия, Далмация.

Для этой цели сербская буржуазия и правящие круги Се
бии всячески поддерживают не столько национально-освобод
тельное, сколько националистическое движение южного славя
ства — помогают организациям и кружкам южнославянской м
лодежи деньгами, укрывают преследуемых австро-венгерским
властями деятелей национально-освободительного движения, ра
вивают усиленную антиавстрийскую пропаганду.

Движение против австро-венгерского гнета в последние го
перед войной достигает огромных размеров.

Пропаганда национального освобождения и борьбы с уг

тателями ведется настолько энергично, что подтачивает основы австро-венгерского господства, разъедает и разлагает Австро-Венгрию изнутри. Австро-венгерская армия становится ненадежной.

Правящие круги Сербии, готовясь к войне против Австро-Венгрии, не жалеют средств на развитие пропаганды, надеясь на восстание в южнославянских землях во время войны.

***

Таковы в общих чертах корни и причины мировой войны 1914—1918 гг. По разным причинам Англия, Франция, царская Россия и Сербия находились в острых противоречиях с австро-германским блоком. Международные отношения периода 1900—1914 гг. отражают борьбу Антанты и Тройственного союза, обостряющуюся с каждым годом в силу увеличивающегося международного переплетения клик финансового капитала. Параллельно ведется подготовка к войне в политическом, организационном, техническом и идеологическом отношениях. Последнее являлось наиболее важным. Нужно было поднять на войну широкие массы трудящихся. Поэтому рассказать этим массам о настоящих грабительских целях войны конечно было невозможно, и империалисты каждой страны всячески старались представить дело так, чтобы у широких масс создалось впечатление, что на них напали и что они обороняются. Используя все средства пропаганды: церковь, школу, печать, литературу и искусство, империалистам в конце концов удалось обмануть массы и погнать их на убой.

В роли активных помощников буржуазии в годы войны выступили социал-демократические партии II Интернационала, которые с первого же момента войны открыто стали на сторону своих империалистических правительств и провозгласили гражданский мир.

Мировая война стала возможна только благодаря предательству II Интернационала. Социал-демократы помогли своим буржуазным правительствам провести мобилизацию, голосовали за предоставление им кредитов на войну и вели предательскую агитацию в массах, призывая их умирать на фронте во славу своих буржуазных «отечеств». Это предательство продолжается и до сих пор. Вожди II Интернационала даже после такой страшной бойни как война 1914—1918 гг. стараются обмануть рабочих и крестьян, доказывая им, что в условиях капитализма возможен «вечный мир». Этим они затрудняют борьбу трудящихся против войны и помогают своей буржуазии готовиться к новой еще более кровопролитной мировой бойне, к новой контрреволюционной войне против СССР.

Глава II

ПОДГОТОВКА ТРОЙСТВЕННОГО СОЮЗА И АНТАНТЫ К ВОЙНЕ В ПЕРИОД 1904—1914 гг.

Цепь взаимных провокаций

Итак с начала эпохи империализма Европа раскололась на два враждебных лагеря: Антанту и Тройственный союз. Начавшаяся в период 1904—1914 гг. подготовка к войне характеризуется цепью взаимных провокаций обоих империалистических блоков, стремившихся провоцировать своего противника на войну так, чтобы поставить его в положение нападающей стороны. Последнее было нужно, как мы говорили, для того чтобы обмануть и примирить с войной массы трудящихся. В связи с этим в период 1904—1914 гг. можно насчитать несколько крупных международных политических кризисов, каждый из которых грозил закончиться войной. Таковы были кризисы из-за Марокко и из-за Балкан.

В соглашении между Англией и Францией Англия признала за Францией права на Марокко и обещала Франции свою помощь при захвате этой колонии. Сделка с Марокко была заключена за спиной Германии, и понятно, что германские хищники не собирались отказаться от своей доли.

В 1905 г. дело чуть не дошло до войны между Францией и Германией из-за Марокко. Английские империалисты обещали Франции военную помощь — содействие своего флота и высадку стотысячной армии в Германии. Однако французские империалисты не решились тогда на войну и пошли на уступки по следующим соображениям. Военная мощь союзника Франции — царской России — была разгромлена Японией; на помощь царской России было трудно рассчитывать; английская армия была незначительна, а английский флот не мог спасти Парижа от германских войск. Французские империалисты должны были признать ра-

ное право грабежа Марокко и за Германией. Но это было только на словах. На самом же деле в период 1905—1911 гг. французское правительство постепенно и втихомолку посылает войска в Марокко и захватывает марокканские города один за другим.

Германия в этом кризисе бряцала оружием, но не решалась начать войну, потому что ее союзники Австро-Венгрия и Италия не обнаруживали никакой охоты ввязываться в войну за Марокко, в которой они не были заинтересованы непосредственно.

Следующий крупный кризис из-за Марокко между Германией и Францией возник в 1908 г. по пустяковому поводу. В марокканском порту Казабланка французская полиция арестовала и оскорбила германского дипломата. В этом кризисе Германии, снова бряцавшей оружием, пришлось столкнуться с объединенным фронтом Англии, Франции и царской России, в то время как ее главный союзник — Австро-Венгрия — отказалась ее поддерживать. Благодаря этому второй кризис из-за Марокко не закончился войной.

Почти одновременно с этим кризисом из-за Марокко возник кризис из-за аннексии (захвата) Австро-Венгрией двух бывших турецких провинций — Боснии и Герцеговины...

Во время русско-турецкой войны в 1877—1878 гг. Австро-Венгрии удалось выторговать в свою пользу две турецких провинции Боснию и Герцеговину, которые она заняла своими войсками под предлогом наведения там порядка. Эта оккупация продолжалась тридцать лет, и австро-венгерский империализм в конце концов решил превратить эти провинции в свою полную собственность. Для этой цели австро-венгерские империалисты сговорились с царской Россией, обещая последней признать Константинополь и проливы «русской собственностью».

Большинство населения Боснии и Герцеговины были сербы и хорваты, и, заключая соглашение с Австрией, царские министры предавали Сербию.

Однако результаты этой сделки оказались односторонними. Австро-Венгрии удалось аннексировать Боснию и Герцеговину. Но царская Россия Константинополя и проливов не получила. Она понимала, что против этого высказались ее же союзники — Франция и Англия.

Если бы царская Россия захватила Константинополь и проливы еще до войны с Германией, то на помощь царских войск в последней войне ни Англия, ни Франция не могли бы надеяться.

Русские империалисты бессильно скрежетали зубами, но ничего не могли поделать: царская армия еще не оправилась после разгрома русско-японской войны.

Сербия, кровно задетая аннексией, стала готовиться к войне против Австрии и запросила помощи в Петербурге, а также в Лондоне и Париже. Австрийские империалисты с удовольствием ухватились за предлог начать войну, который им давал отказ Сербии и царской России признать аннексию. Правящая клика Австро-Венгрии стала готовиться к мобилизации, но в дело вмешалась Германия.

Руководящие круги Германии считали войну преждевременной, так как Германия еще не успела выстроить к этому времени достаточно сильный флот. Поэтому германское правительство намекнуло в Петербурге, что лучше уступить австрийцам, а то Германия перестанет сдерживать Австрию и тогда будет война. Под этой угрозой царская Россия, а затем и Сербия немедленно признали аннексию Боснии и Герцеговины.

Следующий очередной кризис вспыхнул из-за Марокко в 1911 г. Французские войска заняли столицу Марокко — Фец, и тогда германские империалисты, чтобы напомнить о своих притязаниях и равноправии на грабеж Марокко, послали военное судно «Пантеру» в марокканский порт Агадир, закрытый для торговли и посещения его иностранными судами. Во время кризиса английские империалисты энергично поддерживали Францию. В отместку за «неверность» Франции во время боснийского кризиса царская Россия на этот раз проявила большую сдержанность.

С другой стороны, пока Германия бряцала оружием, Австро-Венгрия сохраняла полное равнодушие, делая вид, что спор этот ее не касается. Венгерский премьер-министр даже заявил, что «марокканский вопрос находится вне тех вопросов, на которые распространяется обязательство союза с Германией», т. е., что Австро-Венгрия ввязываться в войну, начатую из-за Марокко, не будет.

В силу этих причин кризис снова закончился временным соглашением. Германским империалистам удалось выторговать себе кусок французской колонии в Африке — Конго.

После временного урегулирования спора из-за Марроко международные кризисы возникают в 1912—1913 гг. в связи с балканскими войнами. Антанте, в частности России, удалось создать в 1911-1912 гг. союз балканских государств — Болгарии, Сербии, Черногории, Греции,— направленный против Австро-Венгрии. Однако этот союз вместо нападения на Австро-Венгрию совершил нападение на Турцию. И Германия и Австро-Венгрия допустили войну с Турцией, надеясь, что Турция, которую они вооружили, разгромит балканский союз. Однако случилось как

раз обратное — в течение двух месяцев балканский союз разгромил Турцию.

Для Австро-Венгрии внезапная победа балканского союза была сильным ударом, так как Турция была жестоко потрепана и стала мало боеспособным союзником. Правда участники балканского союза поссорились затем и между собой. Не без содействия Австро-Венгрии между ними началась война из-за дележа награбленной добычи. Но вместо старого балканского союза царская Россия всегда могла создать какой-либо другой балканский союз. Такой союз царская Россия и подготовляла в 1913—1914 гг. в составе Румынии, Сербии, Черногории, Греции. Этот балканский союз был бы прямой угрозой для движения австро-германского блока через Балканы и для захвата Балканского полуострова австро-германским империализмом.

Во время балканских войн Австрия дважды пыталась спровоцировать Сербию на войну, но оба раза неудачно, так как правящие классы Германии стремились выиграть время в постройке военного флота и считали момент неподходящим.

Но в 1914 г. в Германии решили, что ждать с войной более невыгодно и не стоит и спустили Австро-Венгрию с цепи.

***

Активная подготовка Антанты и Тройственного союза к войне начинается с 1904 г. Тем не менее война началась лишь 10 лет спустя — в 1914 г.

Чем объяснить такую отсрочку начала войны?

Для Антанты основная задача заключалась в разгроме Германии. Для этого нужно было разбить ее военную мощь. Но Антанта была не готова к войне на суше. Нужно было сперва восстановить боевую мощь русской армии, так как сил у одной Франции нехватало, а армия Англии была незначительной и состояла из 150 000 человек, служивших по найму. Воинской повинности в Англии не существовало, и английские империалисты не решались ее ввести. Они боялись, что введение воинской повинности даст повод Германии заявить, что Англия вооружается против Германии, и ускорить войну. Воинскую повинность нельзя было ввести также потому, что это встревожило бы широкие массы трудящихся, вызвав у них подозрение, что буржуазия готовится к войне, между тем как мы знаем, что организация войны проводилась английскими империалистами втихомолку.

Антанта не просто выжидала и оттягивала войну, а готовилась к ней. Царская Россия усиленно вооружалась, восстанавли-

вая осви разбитые в русско-японской войне, военные силы. Французская и английская армия также усиливались. Все три державы — Англия, Франция и Россия — готовились померяться силами с австро-германским блоком.

Правящие же круги Германии до поры до времени также считали целесообразным выжидать. В начале XX в. Тройственный союз с четвертым тайным союзником Румынией был на суше гораздо сильнее Англии, Франции и царской России. Поэтому правящие круги Германии считали, что всегда смогут расправиться с Антантой на суше. Но разгром Антанты на суше считался ими недостаточным для осуществления своих целей. Германским империалистам нужны были колонии, а на морях хозяйничал английский флот. Поэтому германские империалисты считали, что, прежде чем начать войну, нужно выстроить такой сильный военный флот, который бы мог после разгрома Антанты на суше нанести смертельный удар могуществу Англии на море. После разгрома Англии на море можно было бы, как рассчитывали германские империалисты, легко захватить английские колонии.

Такими соображениями руководствовались правящие круги Антанты и Тройственного союза, подготовляя войну.

Понятно, что в среде участников Антанты и в среде участников Тройственного союза не было полной согласованности в вопросе о том, когда и как начать войну. Но «атаманы разбойничьих шаек» Англия и Германия сумели преодолеть противодействие недовольных союзников и в конце-концов разработать такие планы войны, которые удовлетворили и их союзников.

Подготовка австро-германского блока к войне

Мы уже говорили, что в самой Германии помещики (юнкеры) считали главными врагами Францию и царскую Россию. Интересы помещиков, поставлявших офицерские кадры для германской армии, представлял в армии германский генеральный штаб. Последний считал, что войну нужно начинать возможно скорее, пока Германия имеет решающий перевес над Антантой на суше. Однако германские капиталисты, заинтересованные в колониях, вывозе товаров и капиталов, получении сырья по дешевым ценам, держались другой точки зрения. Для них, понятно, главным врагом была Англия, от грабежа которой они ждали большего обогащения, чем от грабежа царской России и Франции. Поэтому германская буржуазия высказывалась за постройку сильного морского флота, нужного в первую очередь для борьбы с Англией. Интересы буржуазии в военны

гах отражало преимущественно германское морское министер-
о, требовавшее отсрочить войну до тех пор, пока не будет
троен такой флот, который окажется в состоянии померяться
нглийским флотом.

По словам фактического руководителя английского гене-
ьного штаба ген. Вильсона, Германия в период 1904—1914 гг.
жна была выбирать между следующими вариантами войны:
ермании приходится разрешать трудную задачу относительно
бора наиболее благоприятного момента для удара: с точки
ния положения на море ей лучше выждать несколько лет, с
ки зрения положения на суше ей лучше действовать немед-
нно».

Австро-венгерская правящая клика, чересчур слабая, для
о чтобы претендовать на мировое могущество и на заморские
лонии, рвала и метала, чтобы начать войну возможно скорее.
чальник австрийского генерального штаба Конрад фон Герцен-
ф в июльские дни 1914 г. оплакивал потерянные в прошлом
можности и говорил следующее:

«В 1908—1909 гг. это была игра с картами на столе. В
12—1913 гг.— игра случая. Теперь это игра ва-банк».

Действительно, если рассматривать план войны, разрабо-
нный австро-германским блоком, то мы увидим, как постепенно
менилось в пользу австро-германского блока соотношение сил
жду ним и Антантой на море благодаря строительству Герма-
ей сильного военного флота. С другой стороны, мы увидим,
к постепенно в пользу Антанты и не в пользу Германии изме-
лось соотношение сил между Антантой и австро-германским
оком на суше.

Соотношение сил на суше для австро-германского блока в
чале XX в. было исключительно благоприятно. Согласно плану
йны, разработанному начальником германского генерального
таба генералом Шлиффеном, Германия должна была бросить
вять десятых своих сил против Франции, оставив четыре
рпуса в качестве заслона против царской России, военная
ощь которой после разгрома в русско-японской войне была
льно ослаблена.

Австро-Венгрия должна была бросить почти всю свою
мию в составе 15 корпусов в направлении Люблин — Ковель,
обы парализовать нажим русских войск с востока, пока гер-
анская армия будет занята в решительном бою с французской
английской армиями.

Италия была обязана по договору о союзе с австро-герман-
им блоком ударить со стороны франко-итальянской границы
южным областям Франции, чтобы связать здесь как можно

больше французских войск и тем облегчить задачу быстро разгрома Франции. Три итальянских корпуса должны были присоединиться к германской армии, наступавшей на Францию. Румыния должна была по договору с австро-германским блоком ударить на Бессарабию и удержать там три или четыре русских корпуса.

Огромную выгоду австро-германскому блоку давала быстрота мобилизации его войск. Германия могла закончить свою мобилизацию и сосредоточение войск на двенадцатый день после мобилизации, Австро-Венгрия — на шестнадцатый день, в то время как царской России для полной мобилизации и сосредоточения всех своих войск требовалось тридцать два дня. В 1914 г. германские войска смогли вторгнуться в Бельгию на четвертый день мобилизации и на третий день войны.

В результате, германские империалисты надеялись, что им удастся в течение первых сорока дней войны полностью разгромить французскую армию, принудить Францию к миру, затем перебросить всю свою армию на восток, после чего в течение шести месяцев покончить с Россией.

Однако образование Антанты, руководимой такой мировой державой как Англия, вызвало резкие сдвиги в группировке европейских государств.

Первым таким сдвигом можно считать заключение Италии за спиной своих союзников, Германии и Австро-Венгрии, тайного соглашения с Францией. По этому соглашению Италия обязывалась сохранить нейтралитет в будущей франко-германской войне. Таким образом французские империалисты получили возможность выставить все свои силы против Германии.

До 1903 г. Сербия была под полным контролем Австро-Венгрии. С 1903 г., после свержения царствовавшей династии Обреновичей, Сербия примкнула к царской России и заняла враждебную Австро-Венгрии позицию. Следствием этого явилось то, что австрийский генеральный штаб не мог уже бросить все свои пятнадцать корпусов против царской России. Наоборот, приходилось выделить часть войск — около трех корпусов для охраны границ с Италией и полтора корпуса для охраны границ с Сербией.

После балканских войн и разгрома Турции положение австро-германского блока еще более ухудшилось. Сербия и Черногория увеличились за счет Турции, и теперь против Сербии приходилось выделить уже около трех корпусов, а для того чтобы добиться разгрома Сербии и Черногории, по расчетам австрийского генерального штаба, необходимо было уже около восьми

корпусов, т. е. половина всей австро-венгерской армии. В июле 1914 г. австрийцы мобилизовали против Сербии 8 корпусов.

Под влиянием балканских войн и уговоров царской России, Румыния — тайный союзник Австро-Венгрии и Германии — начала постепенно изменять своим союзникам. Переход Румынии на сторону Антанты по подсчетам начальника австрийского генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа был равен потере 20—40 дивизий. Австрийские империалисты боялись, что вся армия будет растрачена на защиту границ от Румынии, Сербии и Италии и они не смогут оказать помощи Германии ударом своих войск в направлении Люблин — Ковель.

Если бы это случилось, германским войскам пришлось бы биться одновременно на оба фронта — против Франции и царской России и потерять последний шанс выиграть войну.

Это ухудшение положения австро-германского блока на суше усложнялось вдобавок постепенным разложением австро-венгерской армии. Австро-венгерская армия в огромной своей части состояла из хорватов, сербов, румын, украинцев, чехов, поляков и т. д., угнетавшихся Австро-Венгрией. У них не было никакой охоты воевать за интересы своих угнетателей.

Германский генеральный штаб с тревогой следил за этим разложением своего единственного союзника.

Третьей причиной ухудшения положения на суше австро-германского блока явилось укрепление боевой мощи царской России. При помощи займов парижской биржи царизму удалось восстановить свою военную мощь, усилить и перевооружить свою армию. Опасаясь вторжения царских войск в Восточную Пруссию и Силезию, германский генеральный штаб должен был снимать войска с западного фронта, предназначенные для действия против Франции, а это не позволяло добиться быстрого разгрома французской армии.

Так ухудшалось положение на суше для австро-германского блока и так улучшалось положение для Антанты.

Наоборот, на море положение улучшалось в пользу австро-германских империалистов.

В 1901 г., когда германский парламент утвердил закон о строительстве крупного военного флота, германская правящая клика намеревалась выстроить в течение 20 лет 38 броненосцев, 14 броненосных крейсеров, 38 легких крейсеров и 96 миноносцев.

В Англии первое время смеялись над подобными планами, считая их невыполнимыми. Однако германское морское министерство планомерно строило каждый год все новые и новые суда, так что в конце концов правящая клика Англии встревожилась.

Для противодействия германскому флоту английское морск министерство стало увеличивать флот, находящийся в англ ских водах, постепенно переводя сюда свои эскадры, находя шиеся в Индийском и Тихом океанах.

Одновременно английское морское министерство приступи к постройке новых судов, решив отвечать на постройку каждо германского корабля постройкой двух, более сильных по воо жению и крупных по своим размерам. Начало этому было по жено строительством нового типа броненосца, так называемо дредноута, построенного на учете опыта русско-японской вой на море и обладавшего более мощной броней, быстрым ходом более сильным вооружением, чем существовавшие до тех п броненосцы.

Английские империалисты хвастались, что один дредно может разгромить весь построенный Германией флот. Дейст тельно, как показала война 1914—1918 гг., германский кр сер — дредноут «Гебен» хозяйничал на Черном море, несмот на то, что там имелась целая эскадра русских броненосцев с рого типа. С постройкой дредноутов старые броненосцы бы обречены на слом.

Но именно поэтому в своих расчетах английские импер листы жестоко просчитались, так как германское морское ми стерство также начало строить дредноуты. С тех пор с строящихся военных судов германского и английского флот шел главным образом на дредноуты. Старые броненосцы англ ского флота, которых Англия имела в несколько раз боль чем Германия, уже не представляли большой боевой ценнос Германские империалисты оказались в выгодном положении: имели всего на несколько дредноутов меньше, чем английс империалисты.

По подсчетам английского морского штаба Англия, на постройку дредноутов в 1905—1908 гг., в 1911 г. могла выс вить против девяти германских дредноутов только двенадц своих. А между тем английские империалисты в течение д столетий придерживались правила иметь флот, равный по с флотам двух наиболее крупных морских государств. Это прав было нарушено появлением германского флота.

Мало того, кроме строительства собственного флота герм ские империалисты усиленно нажимали на Австро-Венгрию Италию, требуя и от них постройки дредноутов. Они дали з Турции на покупку двух дредноутов. Для борьбы с этими др ноутами Англия должна была либо строить больше кораб либо отказываться от господства на других морях. Но стро больше кораблей было слишком тяжело в отношении денеж

сходов, а увести свои корабли из других морей означало бы тавить беззащитными пути в английские колонии.

Германские империалисты строили флот настолько энер-нно, что правящая клика Англии была вынуждена увести в 12 г. свои броненосцы из Средиземного моря, потому что аче у нее нехватало сил для борьбы с германским флотом в верном море. Хозяином на Средиземном море и на торговых тях из Англии в Индию и Китай через Суэцкий канал вре-нно стал французский военный флот, но ненадолго.

По подсчетам английского морского министерства в 1915 г. ъединенный флот Австро-Венгрии и Италии должен был ока-ться сильнее французского.

В 1914 г. заканчивалась постройка двух дредноутов, куп-ных Турцией. Кроме того Германия и ее союзники всегда гли купить часть дредноутов, строившихся в Соединенных атах по заказу южноамериканских государств, и тем резко еличить свой военный флот. Английские империалисты больше го боялись того, что германский флот сможет без объявления йны захватить врасплох английский флот и потопить часть раблей, чтобы выравнять свои силы для решающего боя на ре.

В результате постройки военных судов соотношение сил жду Антантой и Тройственным союзом было таково, что уже время войны в январе 1915 г. английские империалисты гли выставить на случай боя всего 23 дредноута против 21 рманского.

Положение на море настолько ухудшилось для Антанты, что 1911 г. английское военное министерство перешло на военное ложение и работало под знаком непосредственной военной розы. Понятно, что в кругах английских империалистов возни-ет стремление начать войну как можно скорее.

Наоборот, германские империалисты удовлетворенно под-итывали все выгоды, полученные от строительства крупного енного флота, и также считали, что схватка приближается. Гер-анским империалистам все-же пришлось начать войну раньше, ем они первоначально рассчитывали, потому что положение на уше для них резко ухудшилось.

Хотя германские империалисты и скрывают документы о одготовке войны, однако можно думать, что начать войну пра-ящая клика Германии собиралась из-за Марокко. Такое начало ойны для германских империалистов было бы всего выгоднее. этом случае мировая война началась бы непосредственно со хватки между Францией и Германией.

Царская Россия, как рассчитывали германские империалисты,

могла остаться в стороне, поскольку ее вопрос о Марокко инте
совал меньше, чем Францию. В этом случае Германия рассчи
вала, что ей удастся обрушиться на Францию всеми силами на
разбить ее.

Но от такого варианта начала войны германским импе
алистам пришлось в конце концов отказаться, так как правящ
клика Австро-Венгрии не собиралась вступать в войну из-
Марокко и выполнять свои обязательства в качестве союзн
Германии. Австрийским империалистам было выгодно нач
войну на Балканах, так как только таким путем они могли све
счеты с Сербией и разгромить разъедавшее Австро-Венгр
национальное движение югославских народов.

Для германских империалистов начало войны на Балка
было менее выгодно, так как оно связывало часть австрийс
армии на балканском фронте, но в конце концов германские
периалисты согласились пойти на подобную «жертву» и в 191
сделали все, что было в их силах, чтобы вызвать мировую во
несмотря на то что она началась с австро-сербского столкновен

В июльские дни 1914 г. германские империалисты пы
лись добиться того, чтобы другие империалистические держ
не вмешались в австро-сербский конфликт, поводом для котор
послужило сараевское убийство, и дали Австро-Венгрии возм
ность разбить Сербию. Если бы им это удалось, то все бал
ские страны попали бы под ярмо австро-германского блок
влияние Антанты, в частности царской России, на Балка
было бы совершенно уничтожено.

Подчинение себе балканских стран сильно облегчило
положение австро-германского блока и повысило бы его ша
на выигрыш мировой войны.

Подготовка Антанты к мировой войне

В начале XX в. Антанта благодаря огромной морской
Англии и фактическому отсутствию у Тройственного союза во
ного флота (у Германии в 1898 г. было только 9 броненосцев
них 7 постройки 1867—1873 гг.) была неоспоримым хозяи
на морях и океанах.

На суше ее положение было несравненно хуже.

Английская армия, как мы уже говорили, не превыш
150 000 человек и была технически не подготовлена к учас
в крупной войне. Царская Россия была обессилена войно
Манчжурии, и только Франция имела боеспособную армию.

Работа Антанты, руководимой Англией, по подготовк
войне начинается с момента создания Антанты. Но хотя анг

е империалисты сталкивались с Германией особенно остро на е и в колониях, главная подготовка Антанты к войне идет на море, а на суше.

Основной источник могущества и боеспособности германго империализма находился на суше, а не на море. Но разма германского флота было недостаточно, чтобы сломить ущество Германии. Тройственный союз мог победить на су- т. е. разгромить Францию и царскую Россию.

Эта задача разгрома Германии на суше и объясняет выбор вящей кликой Англии «сухопутного» плана войны вместо рского».

Сухопутный план войны ставил задачей разгром австроманского блока именно на суше. Такой план войны представил лийский генеральный штаб, указавший, что только при поморазгрома германской армии можно будет заставить Германо принять любые условия мира. Это, как мы знаем, и было лано Версальским мирным договором. Этот план был при- и оставалось только выбрать время для нанесения удара, ремя это определялось и политической и военной готовностью сил, которые могли выступать против австро-германского рока.

Но до такой готовности было далеко.

Работа английских империалистов по сколачиванию антиманского блока и по превращению его в боеспособный инструнт войны охватывает 1904—1914 гг.

Мы указывали, что английские империалисты поспешили егулировать на время свои противоречия с Францией и цароой Россией, чтобы обеспечить их участие в борьбе с Германией.

Таким образом в политическом отношении антигерманский ок в 1907 г. был уже в основном готов. С большими затруднениями и трениями шла организационная и идеологическая подговка.

После того как в 1905 г. народные массы Англии выступипротив попытки консерваторов разжечь войну из-за Мако, сменившее консерваторов либеральное правительство ведо подготовку к войне втихомолку. Английский министр иностранных дел Грей подтверждает французским империалистам ещание вооруженной поддержки, данное консерваторами.

Одновременно Грей согласился на предложение французских империалистов, чтобы французский и английский генеральные штабы вступили в переговоры между собой для разработки на войны.

Параллельно английская военщина начала переговоры с

бельгийским генеральным штабом о возможном участии Бельгии в войне против Германии.

Однако на предложение французских империалистов заключить формальный союз с Францией Грей ответил решительным отказом.

Договор о союзе, в котором содержались бы обязательства Англии оказать военную поддержку Франции в случае франко-германской войны из-за Марокко, в тот момент был неприемлем ни для правительства, ни для парламента, где преобладало левое крыло либералов, так называемые либералы-пацифисты. Кроме того по мнению Грея заключить такой союз в 1906 г. было бы чрезвычайно опасно по следующим соображениям:

«Затруднение заключить союз с Францией состоит сейчас в том, что Германия может тотчас напасть на Францию, в то время как Россия беспомощна, из боязни, что, когда Россия оправится, она (Германия) может быть раздавлена новым Тройственным союзом, направленным против нее. Она могла бы сделать союз между нами и Францией предлогом для этого в качестве единственного шанса обеспечить свое будущее».

По этим причинам Грей в переговорах с представителями французского империализма указал, что договор о союзе сейчас не нужен, так как вооруженная поддержка Франции в случае войны последней с Германией может быть оказана и без договора.

Все эти переговоры Грея с французскими империалистами происходили в самый обостренный момент первого кризиса из-за Марокко, когда и во Франции, и в Германии готовились непосредственно к войне.

В переговорах между английской, бельгийской и французской военщиной был разработан план военных операций, выбраны места для высадки английской армии, изучена пропускная способность французских железных дорог.

Все эти переговоры велись в глубочайшей тайне.

Эти переговоры были важны еще тем, что ими был разрешен вопрос о предлоге для вступления империалистической Англии в войну.

Таким предлогом было избрано нарушение германскими войсками бельгийского нейтралитета[1]. Английская и французская военщина великолепно понимала, что Германия, стремясь как можно скорее разбить Францию, нарушит бельгийский

[1] Бельгия еще более 100 лет назад подписала обязательство сохранить вечный нейтралитет при условии ее защиты Англией, Францией, Германией и царской Россией.

кий нейтралитет, чтобы провести свои войска через Бельгию. Подобное нарушение нейтралитета давало возможность английским империалистам поднять массы на войну под предлогом защиты святости и нерушимости международных договоров и спасения Бельгии от Германии.

Под этим предлогом, как мы знаем, английские организаторы войны сумели в 1914 г. втянуть Англию в войну.

Но в период 1906—1910 гг. Антанта считала себя не готовой к войне. Не были согласованы также и роли участников Антанты в деле разжигания войны. Царская Россия по франко-русскому союзному договору 1892 г. была обязана оказать помощь Франции в случае нападения на нее Германии. То же самое по отношению к царской России должна была сделать в подобном случае и Франция. Но война могла начаться по поводу таких вопросов, в которых либо Франция, либо Англия, либо царская Россия, могли быть незаинтересованы. Например царизм не был непосредственно заинтересован в Марокко, или в защите Бельгии, никакой выгоды для себя в этих случаях он получить не мог. Интересы царизма лежали на Балканах — все вокруг того же Константинополя и проливов. Франция и Англия были заинтересованы в балканских делах лишь постольку, поскольку они хотели не допустить захвата Константинополя и проливов ни Германией, ни царской Россией. Царская Россия желала начать войну на Балканах, но до 1912 г. английские и французские империалисты считали, что им незачем сражаться для того, чтобы царская Россия могла завладеть Константинополем и проливами.

Так проходит первый период существования Антанты, охватывающий 1904—1911 гг. Он характеризуется энергичной работой участников Антанты по приведению себя в боеспособное состояние.

В международных отношениях Антанта выступает как крупный организующий центр, мобилизующий вокруг себя нейтральные государства.

Следующий период существования Антанты 1911—1914 гг. характеризуется работой империалистов по согласованию ролей участников Антанты по разжиганию войны. Окончательно согласовать эти роли удалось лишь в конце 1912 г. Дальнейшая отсрочка и оттяжка войны Антантой после 1912 г. объясняется лишь недостаточной технической подготовленностью царской России в войне.

В 1910 г. реорганизация английской армии в правящих кругах Англии считалась законченной. Была готова и французская армия, что же касается русской армии, то в эти годы английские и французские империалисты требовали от царской России

не так много — в возможно короткий срок бросить проти Германии такие силы, которые не позволяли бы Германии выста вить все свои войска против Франции и расправиться с Фран цией одним ударом. В 1911 г. в период третьего кризиса из-з Марокко английские империалисты пробовали провоцироват Германию на драку. Однако драка не состоялась, так как цар ская армия по признанию русского генерального штаба оказа лась неготовой к войне.

В 1911 г. по расчетам английского министерства иностран ных дел царская Россия должна была решить исход войны. Ан глийский генеральный штаб более трезво расценивал боеспособ ность царской армии. По его расчетам царская Россия могл выставить в течение 26 дней 36 дивизий против Германии. Эти силы должны были бороться против 36 австрийских и 27 герман ских дивизий. В этих условиях царская армия не могла спасти Париж от захвата германскими войсками, так как Германия могла выставить 96 дивизий против 66 французских. Между тем на совещаниях начальников французского и русского генерального штабов царская Россия обязалась на 13-й день после начала своей мобилизации напасть на Германию с востока, для того что бы заставить Германию снять часть своих сил с западного фрон та и перевести их на восток, ослабив германское наступлени против Франции.

Во время марокканского кризиса в 1911 г. русский гене ральный штаб осведомил французский о том, что он примет все меры, чтобы выполнить это обязательство, но за успех отнюдь не ручается.

Таким образом царская армия не была еще готова. У нее не хватало ни снаряжения, ни артиллерийских орудий, ни ружейных патронов.

Еще более неприятным фактом было обнаружившееся во время марокканского кризиса нежелание русского царизма ввя зываться в мировую войну, начатую из-за Марокко. Царизм наоборот, высказывал желание, чтобы мировая война началась из-за конфликта на Балканах.

Особенно резко эта разница интересов выявилась во время поездки французского премьер-министра, впоследствии президен та, Пуанкаре в царскую Россию в 1912 г. Пуанкаре заявил царскому министру иностранных дел Сазонову, что французско общественное мнение не позволит правительству решиться на военные действия, из-за чисто балканских вопросов, если только Германия останется безучастной и не вызовет по собственному почину повода для применения франко-русского договора о союзе.

Сазонов с своей стороны ответил ему, что царская Россия всегда решительно готова встать на защиту Франции в случаях, предусмотренных франко-русским союзом. Но правящие круги России не смогли бы оправдать перед русским общественным мнением активного участия России в военных действиях, вызванных какими-либо внеевропейскими колониальными вопросами, до тех пор, пока жизнь и интересы Франции в Европе останутся не затронутыми.

«Ты не хочешь нам помочь завладеть проливами и Константинополем? Хорошо! Мы не поможем тебе завладеть Марокко». Эти слова М. Н. Покровского весьма точно характеризуют различие точек зрения царской России, с одной стороны, и Франции и Англии, с другой.

В этой борьбе грабительских аппетитов одержала верх царская Россия, во-первых, потому что ее «добросовестная», «честная» военная помощь была необходима для Англии и Франции, во-вторых, потому что и французские и английские империалисты в конце-концов уяснили значение Сербии и балканских государств для связывания военных сил Австро-Венгрии и дали свое согласие на то, чтобы война началась на Балканах.

Уже в 1910 г. русский царский генеральный штаб приходит к выводу, что удар сербской армии по Австрии с тыла позволит связать значительные силы австро-венгерской армии и тем ослабить нажим австро-венгерских войск в направлении Люблин — Ковель, а это обстоятельство значительно повышало боеспособность царской армии на германском фронте.

Мы уже указывали, что помощь Сербии исчислялась русским генеральным штабом в 3 австрийских корпуса. Благодаря отвлечению сил на юг против Сербии австрийские империалисты могли выставить против царской России 46 батальонов и 337 эскадронов вместо предполагавшихся 550 батальонов и 343 эскадронов.

Во время поездки великого князя Николая Николаевича в Париж в сентябре 1912 г. царские генералы с радостью узнали, что точка зрения Англии и Франции на войну из-за Балкан переменилась. 12 сентября 1912 г. царский посол в Париже Извольский сообщил министру иностранных дел Сазонову:

«Французское правительство вполне ясно отдает себе отчет в том, что те или другие события, например разгром Болгарии или Турции, или нападение Австрии на Сербию, могут заставить Россию выйти из пассивного положения и прибегнуть сперва к дипломатическому выступлению, затем и к военным действиям против Турции или Австрии... Если столкновение с Австрией

повлечет за собой вооруженное вмешательство Германии, фра
цузское правительство заранее признает это за обязательств
союзного договора и ни минуты не поколеблется выполнить ле
жащие на нем по отношению к России обязательства... Господи
Пуанкаре сказал, что ввиду критического положения на Балкана
высшие органы французского военного управления с усиленны
вниманием изучают все могущие произойти военные случайно
сти. Сведущие политические лица весьма оптимистически смот
рят на шансы России и Франции в случае общего столкновения
оптимистический взгляд этот основан между прочим на оценк
диверсии, которую произведут соединенные силы балканских
государств (за исключением Румынии), оттянув существенну
часть австро-венгерских военных сил».

«Соединенными силами балканских государств» и был ка
раз балканский союз, организованный царской Россией при со
действии Франции для нападения на Австро-Венгрию.

Таким образом балканский союз выдвинул на первый пла
возможность начала войны на Балканах, но с обязательным по
следующим перерастанием местного балканского столкновения
общеевропейское. Сербская армия позволяла не дожидаться окон
чания русской подготовки.

Наличие балканского союза, создавая наиболее выгодны
в военном отношении вариант начала войны — удар по австрий
скому тылу,— было по достоинству оценено английскими и фра
цузскими империалистами.

В сентябре и октябре 1912 г. Франция и Англия нажимаю
на царскую Россию, требуя от нее форсировать войну.

Между Парижем, Петербургом и Лондоном происходят ожи
вленные переговоры, во время которых обсуждаются и уточня
ются позиции и роли каждой страны в разжигании войны.

Война ставится в порядок дня.

12 ноября в Англии даже состоялось заседание военног
совета для обсуждения назначения высших офицеров английско
армии на руководящие посты в предстоящей войне. 9 ноябр
1912 г. Николай II собирался объявить мобилизацию.

Предлог для войны нашелся: после разгрома Турции серб
ское правительство потребовало для себя порт на Адриатическо
море. Австрийские империалисты резко высказывались проти
этого требования. Царское министерство иностранных дел за
просило Грея, какова будет позиция Англии, если Австрия пре
примет военные меры против Сербии.

В ответ Грей формулировал ряд «определенных, особых у
ловий», при соблюдении которых Англия согласна вступить

ойну, даже если последняя начнется на Балканах в результате оенного выступления Австрии против Сербии:

«1. Активное вмешательство Франции должно сделать эту ойну всеобщей.

2. Абсолютно необходимо, чтобы ответственность за напаение пала на наших противников».

Сообщая Сазонову этот ответ, царский посол в Лондоне енкендорф разъяснил, что нужно будет яснее подчеркнуть аг-ессивный характер австрийской и германской политики и скрыть рабительский характер собственной политики.

«Нападение или прямой вызов Франции могут вовлечь Ан-лию в войну. То же и в отношении России. Здесь приготовились тому, что нападение Австрии на Сербию произведет непреодо-имое давление, но английским общественным мнением такая ойна все-таки будет считаться недостаточной причиной и не ривлечет к себе сочувствия. Вступить в войну, чтобы приба-ить порт Сербии, невозможно, а наши действия с английской очки зрения именно таковы... Нужны были бы ошибки со сто-оны Австрии и Германии, но они до сих пор их еще не делали».

Это было не просто условие, а настоящая программа дей-твий, программа, в точности осуществленная в июльские дни 914 г.

Английские империалисты откровенно заявляли, что при всеобщей европейской суматохе, которая может последовать т вторжения Австрии в Сербию... едва ли правдоподобно, чтобы Англия осталась спокойным зрителем. Если бы Германия была овлечена через Австрию в ссору и этим путем вступила в войну Францией, в Англии возникли бы такие настроения, которым е смогло бы противостоять ни одно правительство и послед-твия которого были бы неисчислимы», иными словами, что Ан-лия не останется нейтральной.

Таким образом в октябре-ноябре 1912 г. между правящей ликой Англии, Франции и царской России был окончательно огласован план разжигания войны.

Основные звенья этого плана были таковы:

1. Мировая война может начаться на Балканах в форме встро-сербского конфликта.

2. Австро-сербский конфликт должен неизбежно перерасти европейский путем выступления царской России на помощь ербии, ибо это вызовет выступление Германии.

3. Франция в силу союзного договора выступает на помощь арской России, изображая собой страну, подвергшуюся напа-ению со стороны Германии.

4. Англия при соблюдении указанных выше условий должна выступить против Германии, даже если последняя не нарушит нейтралитета Бельгии.

Как мы знаем, эта программа почти полностью была осуществлена в июльские дни 1914 г. Именно такими методами в июле 1914 г. была развязана мировая война.

До войны в 1912 г. дело не дошло просто из-за неподготовленности царской России, хотя французские империалисты очень энергично требовали от царизма не слов, а дел.

Кроме того австрийские империалисты успели опередить царскую Россию. Они втихомолку провели мобилизацию 10 корпусов и осенью 1912 г. сосредоточили свои войска на русской границе, а часть войск на границе с Сербией.

Между тем совещание командующих войсками киевского, казанского и московского военных округов, состоявшееся 8 ноября 1912 г., пришло к выводу, что помощь Сербии будет действительной только тогда, если царская Россия начнет войну одновременно с началом войны Сербией и не даст Австрии сосредоточить подавляющие силы на юге и покончить с Сербией быстрыми решительными ударами, используя медлительность русской мобилизации.

Поэтому, хотя 9/XI 1912 г. Николай II и его военный министр Сухомлинов собирались объявить мобилизацию,— более дальновидные царские министры выступили против форсирования войны и побудили Сазонова прекратить переговоры о разжигании войны, которые он вел с английскими и французскими империалистами...

Этот неожиданный поворот царской России привел французских империалистов в неистовство. Ведь международное положение было исключительно выгодным: балканский союз еще не успел перессориться и мог быть направлен против Австро-Венгрии.

Но в царском генеральном штабе заявили французскому военному агенту, что даже в случае нападения Австрии на Сербию Россия не будет воевать.

«Подобный ответ,— писал 18/XII 1912 г. Извольский Сазонову,— поверг Пуанкаре и всех французских министров в крайнее удивление. По всем получаемым здесь сведениям Австрия заканчивает в настоящий момент полную мобилизацию 10 корпусов... Можно ожидать со дня на день какого-нибудь решительного выступления со стороны австрийского кабинета. Выступление это, как здесь думают, может вызвать отпор со стороны России, а это в свою очередь автоматически неизбежно вовлечет в войну сперва Германию, а затем и Францию. К подобной возможно-

сти французское правительство относится вполне спокойно, сознательно и с твердой решимостью исполнить свои союзнические обязательства. Все необходимые меры с его стороны приняты. Мобилизация на восточной границе проведена. Материальная часть в полной готовности и т. п. И как раз в эту минуту Франция сталкивается с совершенно иным отношением к положению со стороны своей союзницы, наиболее казалось бы в ней заинтересованной».

В тот же день 18 декабря французский военный министр Мильеран имел следующую знаменательную беседу с царским военным агентом в Париже графом Игнатьевым:

Мильеран: «Какая же по вашему, полковник, цель австрийской мобилизации?»

Игнатьев: «Трудно предрешить этот вопрос, но несомненно, что австрийские приготовления против России носят пока оборонительный характер».

Мильеран: «Хорошо. Но оккупацию Сербии вы следовательно не считаете прямым для себя вызовом на войну?»

Игнатьев: «На этот вопрос я не могу ответить, но знаю, что мы не желаем вызвать европейской войны и принимать меры, могущие вызвать европейский пожар».

Мильеран. «Следовательно вам придется предоставить Сербию своей участи? Это конечно дело ваше, но надо только знать, что это не по нашей вине. Мы готовы и необходимо учесть это. А не можете ли по крайней мере мне объяснить, что вообще думают в России о Балканах».

Игнатьев: «Славянский вопрос остается близким нашему сердцу, но история выучила конечно нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу призрачных идей».

Мильеран: «Но вы же, полковник, понимаете, что здесь... вопрос... гегемонии Австрии на всем Балканском полуострове... Но вы все-таки кое-что делаете по военной части».

«Я с уверенностью могу предполагать,— сообщал Игнатьев,— что Мильеран имел между прочим следующую мысль, а именно: что Австрия, расправившись с Сербией, успеет в случае нашего запоздалого вмешательства перекинуть все силы на нашу границу. Если в эту минуту мы не будем еще вполне готовы к активным военным действиям, то австрийской армии будет вполне достаточно, чтобы приковать нас к юго-западной границе, что облегчает для Германии решительное сосредоточение всех ее армий против Франции».

Разговор Мильерана с Игнатьевым показывает, какую роль играла в франко-русском союзе царская Россия. Французские

империалисты смотрели на царское правительство, как на по-
ставщика пушечного мяса, и приходили в ярость от того, что
царизм отнюдь не собирался плясать под парижскую дудку. С
другой стороны этот разговор выявляет, какую роль в военных
операциях Антанты должна была сыграть Сербия и почему на-
чало войны на Балканах было выгодно для империалистов
Антанты.

Итак в 1912 г. до войны дело не дошло по вышеуказанным
причинам, хотя в основном все было решено и обусловлено.
Роли между отдельными участниками Антанты были распреде-
лены, и с 1912 г. в военном кругу организаторов войны совер-
шенно точно знали, что если мировая война начнется на Балка-
нах и притом со схватки Сербии и Австрии — это будет самый
выгодным в военном отношении вариантом войны для союзников.

В 1913 и в начале 1914 гг. шла энергичная подготовка
царской России в военном отношении. Так как и австро-герман-
ский блок и Антанта считали, что мировая война не затянется
свыше 6 месяцев, то царская военщина, готовясь к войне, ре-
шила закончить в первую очередь свои вооружения для столкно-
вения в открытом бою — в поле. Заказы на тяжелые орудия был
отложены и вместо этого усилены заказы на легкие орудия
на винтовочные патроны.

Одновременно, для того чтобы выиграть время для русско
мобилизации, царское правительство приняло весьма важное
решение: в случае кризиса подготовлять мобилизацию исподтиш-
ка, не объявляя о ней до тех пор, пока не будут закончены все
подготовительные меры. Так и сделало царское правительство
в июльские дни 1914 г. и ему удалось благодаря этому выиграть
несколько лишних дней и сдержать обязательства, данные фран-
цузским империалистам, т. е. на 13-й день после официальной рус-
ской мобилизации перейти двумя армиями германскую границу.

* * *

Теперь подведем некоторые итоги в отношении подготовки
австро-германского блока и Антанты к мировой войне.

К началу войны — июль 1914 г.— позиции противников
основном сводились к следующему.

Германский империализм, претендуя на мировое господство
и передел мира в свою пользу, в период 1914 г. готовится
решительной схватке со своим главным соперником — Англией.
Будучи уверенным в своем решительном превосходстве на суше
над своим противником, Антантой, он стремится по возможности
выиграть время для строительства военного флота, чтобы дове-
сти его вместе с флотами своих союзников до такого уровня, к

рый позволил бы выдержать борьбу на море с Англией. Однако двиги в международной расстановке сил — отход Италии и умынии от союза, разгром Турции, рост Сербии, все более и олее проявляющееся разложение единственного более или ме-ее надежного союзника Австрии, возрастание военной мощи арской России, а также рост революционного движения в Гер-ании,— все это заставило германский империализм форсировать ойну в 1914 г., не ожидая дальнейшего улучшения положения а море в свою пользу, чтобы разгромить Антанту и, заняв ме-то решающей державы, ограбить своих конкурентов.

Убедившись в невозможности сдержать невоенными сред-твами напор германского империализма, претендующего на пе-едел мира в свою пользу и на мировое господство, английский мпериализм приходит к выводу о необходимости военного раз-рома Германии, чтобы устранить своего германского соперника. этой целью английский империализм улаживает на время свои ротиворечия со старыми политическими соперниками—Франци-ей и царской Россией,— преследующими свои собственные инте-есы в деле разгрома австро-германского блока, и организует нтигерманский блок — Антанту в качестве инструмента войны Германией и ее союзниками.

Недостаточная военная подготовка, военное ослабление цар-кой России после русско-японской войны и неслаженность во-нного и политического аппарата не позволяют английскому импе-иализму вызвать войну в период до 1914 г.

В течение всех лет с момента организации Антанты идет ипучая работа по приведению нового блока в политическую и оевую готовность для войны, и одновременно разрабатывается акой механизм организации и разжигания войны, который был ы наиболее выгоден для Антанты.

Однако ухудшение положения на море для Англии застав-яет английский империализм форсировать в 1914 г. войну, несмотря на то, что царская Россия к этому моменту еще не акончила своих вооружений.

Таким образом 1914 г. и для Антанты и для австро-герман-кого блока является переломным годом: для Антанты, в част-ости Англии, положение на море складывалось так, что откла-ывать войну дальше было нельзя, положение на суше настоль-о улучшилось, что войну начинать было можно.

Для австро-германского блока оттягивать войну дальше ыло нельзя из-за положения на суше и наоборот положение а море настолько улучшилось, что войну можно было начинать шансами на успех.

Вот почему мировая война началась в 1914 г.

Глава III

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВОЙНЫ В ИЮЛЕ 1914 г.

Сараево как предлог для развязывания войны

Предлогом для разжигания войны в 1914 г. явилось уби
ство австрийского престолонаследника эрцгерцога Франц
Фердинанда в г. Сараеве 28 июня 1914 г.

Покушение на Франца-Фердинанда было произведе
группой сербской молодежи, уроженцев южнославянских земе
Австро-Венгрии, которая вела борьбу против австрийских к
питалистов и помещиков — угнетателей миллионов трудящих
югославян. Методами борьбы, кроме пропаганды, были покуш
ния на австро-венгерских сановников. Покушение против Фра
ца-Фердинанда было шестым по счету за последние 4 года. Де
тельность многочисленных националистических организаций по
держивалась, а еще более использовалась правящими круг
ми сербской буржуазии и руководилась патриотическими сер
скими обществами «Народна Одбрана» и «Черная рука».

Сербский премьер-министр Пашич, правда, отдал приказ
задержании на сербской границе исполнителей покушения, ко
да те переправлялись в Австрию, однако пограничные чиновн
ки, принадлежавшие к организации «Черная рука», котор
организовала и руководила этим покушением, пропустили и
полнителей покушения Принципа, Габриновича, и Грабеца чер
границу.

В организации покушения принимал участие начальн
контрразведки сербского генерального штаба полковник Дим
триевич, руководитель «Черной руки», его помощник май
Танкосич и др.

Покушение произошло 28 июня. Франц-Фердинанд пр
хал в июне в Боснию и Герцеговину на военные маневры, г
исходившие вдоль границы с Сербией. На 28 июня был наз

чей торжественный въезд Франца-Фердинанда с женой в столицу Боснии — г. Сараево.

Сербские националисты расценили приезд Франца-Фердинанда в Боснию и Герцеговину как вызов австрийской правящей клики национальному сербскому движению. 28/VI был траурный день в истории Сербии (Видов дан), потому что в этот день 600 лет назад Сербия потеряла независимость и попала под иго турецких султанов.

Демонстративный провокационный въезд Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня напоминал сербским националистам, что за турецким игом может последовать австрийское.

Убийство Франца-Фердинанда было ответом сербских националистов на провокацию австрийской правящей клики.

Австро-германский сговор

Сараевское убийство дало правящим кругам Австро-Венгрии желанный предлог для того, чтобы форсировать войну.

Австрийская военщина под руководством начальника австрийского генерального штаба Конрада фон-Гетцендорфа, ставленника убитого наследника, требовала разгрома Сербии даже без объявления войны.

Австрийский министр иностранных дел граф Берхтольд поддерживал эту точку зрения, но император Австро-Венгрии Франц-Иосиф и венгерский премьер-министр граф Тисса считали такой образ действий неосторожным, ибо при таком образе действий австро-венгерская правящая клика оказывалась в положении нападающей стороны, насильника над Сербией.

Только исходя из этих соображений, правящая клика Австро-Венгрии решила отказаться от внезапного нападения на Сербию и подготовить это нападение более осторожно и тщательно, для того чтобы оправдать войну с Сербией перед широкими массами трудящихся и у себя в стране и за границей.

Кроме того была еще не выяснена позиция Германии. В 1909—1912—1913 гг. в Вене пытались провоцировать войну с Сербией, но в тот период германские империалисты, стремившиеся выиграть время для постройки военного флота, сдерживали австрийских, отмахиваясь «от венских глупостей».

В Вене отлично понимали, что война с Сербией выльется в мировую войну, потому что царская Россия и Антанта не допустят уничтожения Сербии и потери позиций Антанты на Балканах.

По мнению царской дипломатии разгром Сербии «будет иметь результатом полное разрушение нашего престижа и до-

бытого путем таких жертв и усилий положения на Ближнем Востоке, самым пагубным образом отразится на наших экономических интересах и сведет на-нет все достигнутые за последние годы результаты. Создастся такое невыносимое для нас положение, что недалеко быть может то время, когда мы сами, чтобы найти из него выход, принуждены будем принять на себя инициативу войны» (депеша Гирса, царского посла в Константинополе от 27/VII 1914 г.).

По этим причинам австро-венгерская правящая клика решила прежде всего сговориться с Германией и запросить ее согласие на выступление против Сербии и добиться от нее обещания поддержки в случае, если царская Россия вступится за Сербию.

Для этой цели австрийский министр иностранных дел Берхтольд попытался прежде всего прощупать настроение германского посла в Вене Чиршки. Чиршки, не имевший инструкций из Берлина, не мог сказать ни да, ни нет на запрос Берхтольда и посоветовал хорошенько обдумать положение и точно уяснить себе, куда австрийские империалисты хотят итти и какой цели они хотят достигнуть.

Чиршки намекнул Берхтольду, что нельзя действовать партизански, а необходимо посоветоваться и договориться со своими союзниками и в первую очередь с Германией.

«По его мнению,— передает Берхтольд свой разговор с Чиршки,— только энергичное выступление против Сербии одно может привести к цели».

2 июля в беседе с австрийским императором Францем Иосифом Чиршки повторил сказанное ранее Берхтольду, еще раз подчеркнув важность действовать, договорившись с Германией и заявив, что Германия «поддержит всякое твердое решение Австро-Венгрии».

Эти разговоры показали австрийской правящей клике, что такие партизанские меры как мобилизация и нападение на Сербию даже без объявления войны, без предварительной договоренности относительно Италии и Румынии, а также без согласования плана действий с Германией не найдут поддержки в Берлине. Но из слов Чиршки не менее определенно и ясно вытекало, что при известной подготовке и на известных условиях австрийские империалисты получат полную поддержку германских для того, чтобы свести счеты с Сербией.

Для того чтобы окончательно выяснить точку зрения германской правящей клики, Берхтольд послал в Берлин своего секретаря графа Гойоса с письмом от Франца-Иосифа к германскому императору Вильгельму II. В этом письме вопрос

том, чтобы немедленно навязать войну Сербии, был поставлен совершенно ясно и открыто.

«Усилия моего правительства,— писал Франц-Иосиф Вильгельму,— должны быть отныне направлены к изолированию и умалению Сербии». Предлагая для утверждения господства австро-германского блока на Балканах создать новый балканский союз в составе Болгарии, Греции и Турции, Франц-Иосиф указывал, что «это станет возможным только тогда, когда Сербия, образующая сейчас стержень панславистской политики, будет устранена как политический противник». Письмо заканчивалось обращением к монархическим чувствам Вильгельма.

«Даже и ты, ты сам придешь к убеждению, что после недавнего и ужасного события в Боснии уже нельзя надеяться на примирение противоречий, отдаляющих нас от Сербии».

Вопрос о войне с Сербией был поставлен в этом письме совершенно открыто, и поездка Гойоса с этим письмом преследовала лишь одну цель: «Нужно сперва запросить у Германии, хочет ли она или нет гарантировать нас против России».

В Вене отлично понимали, что за спиной Сербии стоят царская Россия, Франция и Англия. Поэтому для австрийской правящей клики начинать сейчас войну с Сербией имело смысл только в том случае, если Германия поддержит Австро-Венгрию до конца. В противном случае, в случае отказа германских империалистов от поддержки, вся игра не стоила свеч, и как бы ни желали австрийские империалисты «наказать» Сербию, но напасть в одиночку на Сербию и на царскую Россию они не рисковали, да и не могли рисковать. Подобная политика явилась бы столь же отчаянной авантюрой, как и выступление царской России в одиночку против австро-германского блока.

Поездка секретаря Берхтольда, графа Гойоса в Берлин закончилась удачно. Германские империалисты горели от нетерпения узнать, что думает и что скажет Австро-Венгрия в ответ на покушение в Сараеве. Поэтому в Берлине считали энергичное, вплоть до объявления войны, выступление против Сербии «совершенно понятным», так как сараевское убийство давало хороший предлог для нападения на Сербию.

5 июля письмо Франца-Иосифа было вручено Вильгельму австро-венгерским послом в Берлине графом Сегени.

«Его величество,— так сообщал о своем разговоре с Вильгельмом Сегени,— уполномочил меня сообщить нашему всемилостивейшему государю, что мы в этом случае могли бы рассчитывать на полную поддержку Германии. В особенности это относится к выступлению с нашей стороны против Сербии. По его мнению не следовало бы однако выжидать с этим выступле-

нием. Если бы даже дело дошло до войны между Австро-Венгрией и Россией, то Германия с обычной верностью союзника будет стоять на нашей стороне... Если мы действительно признаем необходимым военное выступление против Сербии, то он (Вильгельм) будет сожалеть, если мы оставим неиспользованным нынешний столь благоприятный для нас момент».

Почти то же самое сказал Сегени и председатель совета министров Германии (рейхсканцлер) Бетман-Гольвег, сообщивший, что «Германия будет стоять за монархией как союзник и как друг» и что с точки зрения международной обстановки «нынешний момент более благоприятен, чем позднейший».

Эти документы свидетельствуют, что германская правящая клика полностью одобрила политику своего союзника на Балканах, в частности политику Вены в отношении Сербии, и дала Австрии полную свободу действий, обещая полную поддержку, если дело дойдет до войны с царской Россией и ее союзниками.

Таким образом правящая клика Германии высказалась в пользу начала мировой войны в 1914 г.

Чем же объяснить выбор момента для начала войны германской правящей кликой? На этот вопрос дает ответ письмо австро-венгерского посла в Берлине графа Сегени австро-венгерскому министру иностранных дел графу Берхтольду от 12 июля, более подробно излагающее мотивы и решения германского правительства.

Эти соображения, как свидетельствует письмо Сегени, сводились к следующему:

1) Главные противники на суше — Франция и особенно царская Россия — еще недостаточно подготовились к войне и в 1914 г. с ними будет легче справиться, чем несколько лет спустя, когда усилится их военная мощь.

2) Англия, согласно расчетам германских организаторов войны, может сохранить нейтралитет и не вступить в войну вследствие ухудшения внутреннего положения — волнений в Ирландии, грандиозных рабочих забастовок, развернувшихся в 1914 г., незаинтересованности в Сербии и трудности обмануть народные массы и скрыть от них империалистский характер войны.

В случае нейтралитета Англии германские организаторы войны надеялись легко разгромить Францию, царскую Россию и Сербию.

Подробно освещает причины выбора момента войны Германией переписка между германским министром иностранных дел Яговым и германским послом в Лондоне князем Лихновским.

Лихновский, стоявший за соглашение с Англией и недо-

вольный политикой германского министерства иностранных дел, пробовал предостеречь свое правительство против неограниченной поддержки им Австро-Венгрии. Понимая, что эта поддержка приведет к большой войне, в которую вступит и Англия, Лихновский предлагал предоставить Австрию своей собственной судьбе, не связывая будущность Германии с зажи-во разлагающимся союзником.

Ягов ответил 18 июля Лихновскому, что Германия не может бросить Австрию на произвол судьбы:

«Если бы мы это сделали — Австрия могла бы справедливо упрекать нас, что мы лишили ее последней возможности восстановить себя политически. В этом случае ее умирание и внутренний распад только бы ускорились, и ее позиции на Балканах были бы навсегда потеряны. Вы со мной вполне согласитесь, что абсолютное усиление русской гегемонии на Балканах недопустимо и для нас. Сохранение Австрии, и притом возможно более сильной Австрии, и по внутренним и по внешним мотивам для нас необходимо. Я охотно соглашусь, что ее нельзя будет сохранить вечно, но тем временем быть может удастся найти других союзников... Если Россия набросится на Австрию, то мы не сможем пожертвовать Австрией. Мы оказались бы после этого в одиночестве, которое вряд ли можно назвать гордым».

Этот мотив действительно был крайне важен. Распад Тройственного союза и уход из него Австрии сразу менял соотношение сил в Европе. Германии в результате этого пришлось бы вести борьбу в одиночку против всей Антанты.

Одновременно германское министерство иностранных дел разработало план полной перекройки карты Балкан.

Италии за нейтралитет предполагалось отдать кусок Албании; Греция должна была отказаться от порта Кавалла в пользу Болгарии и получить за это часть южной Албании и Эпира; Румыния получала округ Видин в северной части Болгарии и т. д.

Так германские империалисты собирались купить нейтралитет Италии и балканских государств. В отношении будущей войны германское министерство иностранных дел предусматривало 3 варианта.

Первый и наиболее благоприятный вариант: «локализация» войны. Он заключался в том, что при выступлении Германии на поддержку Австро-Венгрии царская Россия воздержится от помощи Сербии, Франция и Англия не вмешаются в конфликт и удержат царскую Россию. Таким образом Австрия получила бы возможность свободно разделаться с Сербией один

на один и перекроить карту Балкан в пользу австро-германского блока и в ущерб Антанте.

Такой вариант войны был бы весьма выгодным, так как позволял австро-германскому блоку стать хозяином на Балканах, не прибегая к «большой войне». Правда «большая война» давала больше выгод, но в то же время была связана с большим риском.

Второй вариант — европейская война, в которой принимают участие Австрия и Германия, с одной стороны, Сербия, царская Россия и Франция — с другой. Англия сохраняет нейтралитет.

Этот вариант был более выгодным, хотя и более трудным, потому что австро-германский блок считал себя в состоянии расправиться и с царской Россией, и с Францией, и с Сербией. В результате этой войны можно было ограбить царскую Россию и Францию, уничтожить Сербию, а затем подготовиться к войне с Англией.

Третий вариант войны: борьба австро-германского блока против Антанты в целом, т. е. мировая война.

Этот вариант был крайне труден и связан с большим риском, это была игра ва-банк, но победа в такой войне решила бы вопрос о мировом господстве в пользу Германии и обеспечила бы передел мира и колоний сообразно мощи и силе германского империализма.

Правящая клика Германии учитывала этот вариант войны и готовилась к ней тайком, чтобы не встревожить Англию военными приготовлениями. Германские империалисты хотели заговорить зубы английским и задержать вступление Англии в войну, чтобы иметь возможность быстро разгромить Францию и царскую Россию и уберечь свою заморскую торговлю от разгрома ее английским флотом.

Таковы были расчеты германской правящей клики в июльские дни 1914 г.

Германские империалисты понукали и поторапливали австрийских напасть на Сербию именно сейчас, не допуская никакой оттяжки и проволочек. Они понимали, что Австро-Венгрия разлагается и что через несколько лет ее армия вряд ли будет боеспособной. А между тем положение на суше изменялось ко все большей невыгоде для австро-германского блока. Поэтому германские империалисты понукали австрийских играть ва-банк. Если же в результате такой игры Австро-Венгрия приказала бы долго жить, не выдержав непосильных для нее жертв и тягот войны, то и в этом случае она уже успела бы выполнить возложенную на нее германским империализмом

задачу: ценой хотя бы своего государственного распада и гибели облегчить перекройку карты Европы в пользу Германии, задуманную германским империализмом.

Натравливая и понукая австрийских империалистов напасть на Сербию, германские правящие круги со своей стороны принимали ряд мер, чтобы создать видимость, будто они ничего не знали и не ведали о подготовке Австрией нападения на Сербию. 6 июля Вильгельм принял представителей генерального штаба и, узнав, что «армия... готова, как всегда», отправился на своей яхте в плавание к берегам Норвегии. Уехали в отпуск и его министры. Все это делалось для того, чтобы не всполошить преждевременно Антанту и не дать ей времени подготовиться.

Получив согласие германского правительства безоговорочно поддержать Австро-Венгрию, австро-венгерские империалисты приступили к подготовке нападения на Сербию. На заседании совета министров 7 июля спор шел лишь о том, нужна ли предварительная дипломатическая подготовка — посылка ультиматума, объявление войны — или не нужна.

Император Франц-Иосиф высказался за необходимость дипломатической маскировки нападения на Сербию, чтобы одурачить народные массы. Без такой маскировки Австрия слишком явно выступала в положении нападающей стороны, насильника Сербии.

Правящие круги Австро-Венгрии в конце концов решили предъявить Сербии ультиматум «с требованиями такого характера, чтобы возможность их принятия была исключена», с коротким сроком для ответа, чтобы захватить противников врасплох и не дать им времени приготовиться к отпору.

Составляя ультиматум с неприемлемыми для Сербии требованиями, правящая клика Австро-Венгрии обратила главное внимание на великосербское движение.

Ультиматум требовал от сербского правительства задушить это движение, стать австрийским жандармом по подавлению национального великосербского движения. Эту задачу сербское правительство, если бы даже и хотело, было бы не в силах выполнить.

Окончательный текст ультиматума был утвержден на заседании совета министров 19 июля, причем Тисса потребовал для маскировки грабительских стремлений Австро-Венгрии осведомить другие державы, что Австрия не преследует никаких территориальных завоеваний. Берхтольд лицемерно давал такие обещания, которые ни он, ни военщина не собирались сдержать. В постановлении совета министров говорилось:

«Этим решением понятно не исключается стратегическая необходимость исправления границ, равно как и уменьшение Сербии в пользу других государств, и возможная временная оккупация сербской территории».

Такая резиновая формулировка открывала возможность какого угодно грабежа Сербии. Одновременно австрийское правительство приступило при содействии германского правительства к обработке общественного мнения Европы в пользу Австрии.

Для этой цели австрийские и германские дипломаты получили крупные суммы денег на подкуп печати.

Само собой разумеется, что решение правительства навязать войну Сербии держалось в строжайшем секрете.

Австрийская правящая клика не хотела сообщить о подготовке ультиматума даже своему товарищу по союзу — Италии, боясь, что Италия предаст ее и сообщит о подготовке к войне державам Антанты.

В этом отношении правящая клика Австрии не считалась с желанием германской, которая не только настаивала на предварительном осведомлении Италии о предполагаемом выступлении, но и на территориальных уступках итальянцам в обмен за поддержку. Германские дипломаты сами осведомили, втихомолку от австрийских, итальяское правительство о предполагаемом выступлении, и итальянское правительство, как опасался Берхтольд, сообщило об этом в Петербург и Лондон.

Текст ультиматума итальянское правительство получило только 23 июля почти одновременно с вручением его в Белграде.

Германское правительство, несмотря на троекратное требование ознакомить его с текстом ультиматума, получило последний только вечером 22 июля.

Днем вручения австрийского ультиматума в Белграде было выбрано 23 июля 6 часов вечера.

Этот срок был выбран потому, что австрийская и германская правящая клика хотела вручить ультиматум после отъезда французского президента Пуанкаре из Петербурга, куда он ездил подбодрить Николая II «стоять твердо».

Австрийские и германские империалисты хотели не допустить русских и французских империалистов сговориться о совместных действиях, полагая, что им удалось скрыть от противника свои военные планы.

На самом деле в Лондоне, Париже и Петербурге успели пронюхать о замыслах австро-германского блока и соответственно приготовиться.

Уже 30 июня английское министерство иностранных дел предполагало, что австрийские империалисты не пропустят такого события, как сараевское убийство, для расправы с Сербией. То же самое предвидели и президент Пуанкаре и Сазонов.

Поэтому уже с начала июля империалисты Антанты начинают готовиться к выступлению австро-германского блока.

Сговор Антанты

Известие о сараевском убийстве было по-разному встречено в правящих кругах Петербурга, Парижа и Лондона.

Царское правительство отлично понимало, что Австрия использует убийство для нападения на Сербию. Конечно дать Австрии укрепиться на Балканах царизм не собирался, но поддержка Сербии могла привести к войне с Австрией и Германией и тут всплывал вопрос, поддержат ли царя в этой войне его союзники — Франция и Англия. Ведь письменного формального обязательства с их стороны не было. Правда, с 1912—1913 гг. союзниками было дано обещание поддержки, даже если война начнется из-за австро-сербского конфликта, но это было только обещание, а не обязательство.

Русские империалисты хорошо помнили урок боснийского кризиса 1908—1909 гг., когда Франция и Англия предоставили царской России самой разделываться с Австро-Венгрией.

Царское правительство отнюдь не собиралось вести войну в одиночку с австро-германским блоком.

Поэтому позиция царского правительства в первые две недели после сараевского убийства была позицией выжидания. Сербии оказали «первую помощь» — удовлетворили лежавшее несколько месяцев под сукном ходатайство сербского правительства о выдаче ему 120 000 винтовок с патронами для сербской армии.

Сербии был дан совет — вести себя потише и не обострять отношений с Австрией. Царские министры предпочли выжидать развертывания событий и выяснения того, как отнесутся к выступлению австро-германского блока союзники.

Правящие круги Сербии, чувствуя, что в воздухе пахнет порохом, приложили все усилия, чтобы замазать следы организации покушения в самом Белграде и потихоньку начали с 10 июля переброску своих войск из южных районов Сербии на северную и западную границы с Австрией.

В Париже и Лондоне, трезво оценив положение, решили использовать выступление австро-германского блока и ответить на вызов. Для этой цели следовало лишь поддержать царскую

Россию, чтобы она не была запугана австро-германским вызовом и выступила на поддержку Сербии. Выступление царской России превращало австро-сербский конфликт в европейский, вызывало на сцену Германию, т. е. приводило к мировой войне.

Главным организатором сговора между державами Антанты в ответ на вызов австро-германского блока явился английский министр иностранных дел Грей. Ему необходимо было убедить массы, что на Англию напали и что Англия обороняется. Агрессивных замыслов никоим образом не следовало обнаружить, иначе это затруднило бы вмешательство Англии на поддержку союзников.

Поэтому в течение июльских дней 1914 г. Грей все время ведет двойную игру: с одной стороны, он уверяет германских и австрийских дипломатов в том, что Сербия заслуживает наказания, намекает, что Англия не примет участия в войне, провоцирует австро-германский блок на неуступчивость, чтобы помочь Германии зарваться как можно дальше; с другой стороны, Грей подбадривает к неуступчивости царскую Россию и, намекая на поддержку Англии, приказывает английским дипломатам в Белграде согласовывать свои выступления с выступлениями царских и французских дипломатов.

Пока Грей стравливал австро-германский блок с Францией и царской Россией, министры — организаторы войны, в особенности морской министр Черчилль, принимали меры для подготовки английской армии и флота.

Организация сговора была начата Греем 8 июля, когда он предупредил французского посла в Лондоне Поля Камбона о возможности выступления Австро-Венгрии против Сербии и посоветовал французскому правительству воздействовать на царское правительство, чтобы придать ему бодрости.

В этот же день Грей предупредил царского посла Бенкендорфа, «что у него волосы становятся дыбом при мысли о том, что из-за этого ужасного преступления (в Сараеве) может внезапно возникнуть всеобщая война».

Дальнейшая тактика Грея состояла в том, чтобы побудить царскую Россию выступить как можно скорее.

Английские организаторы войны рассчитывали, что выступление царской России побудит Германию бросить свои силы на восток, а не на запад против Франции и тем расстроить план кампании, разработанный австро-германским блоком.

Партнером Грея в этом деле выступал французский президент Пуанкаре, приехавший 18 июля в Петербург с визи-

том к Николаю. К этому времени в Петербурге уже совершенно точно знали, что австрийское правительство готовит войну против Сербии.

Не менее хорошо осведомлены были о планах австрийцев и правящие круги Франции. Поэтому поездка Пуанкаре в Петербург была предпринята с целью сговориться о совместных действиях против австро-германского блока. В результате поездки Пуанкаре французскими и русскими империалистами был согласован общий план действий, о котором английский посол в Петербурге Бьюкенен сообщил 24 июля Грею:

«1. Полное единство взглядов на различные вопросы, стоящие перед державами в отношении сохранения всеобщего мира и равновесия сил в Европе и в частности на востоке.

2. Решение вступить в войну с целью предупредить необоснованные требования или какое-нибудь выступление, равносильное вмешательству во внутренние дела Сербии, которые последняя могла бы справедливо рассматривать как посягательство на ее суверенитет и независимость.

3. Торжественное подтверждение обязательств, налагаемых союзом на обе стороны».

В переводе с дипломатического на человеческий язык, каждое из этих решений и все три вместе обусловливали решение царской России и Франции не останавливаться в поддержке Сербии перед европейской войной.

Сам Пуанкаре характеризовал задачи своей поездки следующим образом:

«Австрия подготовляет неожиданное выступление... Необходимо, чтобы Сазонов был тверд и чтобы мы его поддержали».

Поездка Пуанкаре и советы Грея о скорейшем выступлении против Австрии создали в правящих кругах царизма уверенность, что выступление царской России на поддержку Сербии будет поддержано Англией и Францией.

Так правящая клика Антанты сговаривалась об ответе на вызов австро-германского блока.

Австрийский ультиматум и позиция Антанты

23 июля в 6 часов вечера австрийский посол в Белграде барон Гизль вручил сербскому правительству ультиматум.

Ультиматум имел исключительно наглый и провокационный по тону и содержанию характер. Принятие этого ультиматума сербским правительством фактически превращало Сербию

в зависимую от Австрии страну, уничтожая ее самостоятельность, как отдельного государства.

Австрийские империалисты требовали, чтобы Сербия приняла ультиматум целиком без всяких изменений, оговорок или отклонения того или другого пункта.

Срок для ответа на ультиматум был дан в 48 часов.

Одновременно 24 июля германские послы в Лондоне, Париже и Петербурге вручили французскому, английскому и царскому правительствам внушительное предупреждение:

«Германскому правительству желательно подчеркнуть свою точку зрения, что в настоящем случае дело должно быть улажено исключительно между Австро-Венгрией и Сербией... Германское правительство настоятельно желает локализации конфликта, так как всякое вмешательство всякой другой державы в силу различных договорных обязательств повлечет неисчислимые последствия», т. е. германский империализм открыто грозил мировой войной.

Английское министерство иностранных дел характеризовало это «предупреждение» германского правительства как требование, чтобы «все державы встали в кружок и смотрели, как Австрия расправится с Сербией».

Сербское правительство, получив ультиматум, немедленно обратилось за помощью в Петербург, Париж и Лондон. До получения ответа от «старших» сербские правящие круги не могли ни принять, ни отклонить ультиматум. Поэтому они старались выиграть время и насколько возможно оттянуть ответ.

Правящие круги царской России оценивали ультиматум как вызов на войну. «Это европейская война»,— воскликнул Сазонов, ознакомившись с его текстом. Но сформулировать отношение царского правительства к ультиматуму в беседе с австро-венгерским послом, вручившим ультиматум, Сазонов воздержался; он хотел предварительно посоветоваться с союзниками — французским и английским послами, и обсудить ультиматум на совещании министров.

Захватив ультиматум, Сазонов немедленно направился во французское посольство, где его ждали французский посол Палеолог и английский посол Бьюкенен.

Сообщив Бьюкенену подробности сговора между царской Россией и Францией, происходившего во время приезда Пуанкаре в Петербург, Сазонов выразил надежду, что английское правительство «объявит о своей солидарности с Францией и Россией».

Палеолог в свою очередь сообщил, что «Франция не только окажет России сильную дипломатическую поддержку, но если

окажется необходимым — использует все обязательства, налагаемые на нее союзом».

Бьюкенен оказался в затруднительном положении. Он не имел инструкций от Грея и не мог дать ответ. Кроме того решительное выступление Англии в самом же начале конфликта было невыгодно для английских империалистов. Такое выступление поставило бы Антанту в положение нападающей стороны и разоблачило бы военные планы английских министров-организаторов войны. Между тем важнейшим условием для вступления Англии в войну являлось создание такого положения, при котором австро-германский блок явно выступал бы в роли нападающей стороны.

«Я лично не могу высказать надежды,— ответил Бьюкенен,— что английское правительство сделает какую-либо декларацию солидарности, которая влекла бы за собой обязательство поддержать Россию и Францию силой оружия. Мы не заинтересованы непосредственно в Сербии, и общественное мнение Англии никогда не одобрит войны из-за нее».

Но чтобы выяснить намерения Франции и царской России, Бьюкенен поставил вопрос в упор: если Австрия «предпримет военные действия против Сербии — предполагает ли Россия объявить Австрии войну?»

Сазонов ответил, что решение в тот же день будет принято на совещании совета министров и завтра, 25 июля, утверждено Николаем II. Лично он, Сазонов, думает, что «Россия во всяком случае должна мобилизоваться».

Подводя итоги своему впечатлению от этого разговора, Бьюкенен телеграфировал Грею, что «Франция и Россия решились как будто оказать энергичное сопротивление, даже если мы не присоединимся к ним», подчеркивая, что Сазонов был не так решителен в этом отношении, как Палеолог.

Меньшая напористость Сазонова в отношении форсирования войны была вполне понятна. Царский министр иностранных дел не мог не думать о риске начинать войну, не имея в кармане гарантии от Англии. Он не очень доверял союзникам, понимая, что в случае неудачной войны платить за битые горшки придется царской России.

После совещания у Палеолога, Сазонов отправился на совещание совета министров, где было решено просить у Николая разрешения мобилизовать 4 военных округа: Киевский, Одесский, Московский и Казанский против Австро-Венгрии и балтийского и черноморского флотов, изъять все казенные суммы из германских и австро-венгерских банков, предложить

Австро-Венгрии дать отсрочку сербскому правительству для ответа на ультиматум и пр. и пр.

После заседания совета министров Сазонов заявил германскому послу Пурталесу, что «для России немыслимо допустить, чтобы австро-сербский конфликт был улажен лишь между двумя заинтересованными сторонами».

Разговор между Сазоновым и Пурталесом принял настолько обостренный характер, что прибывший с целью узнать о его результатах Палеолог прочел нотацию Сазонову.

Англо-французские организаторы войны подстрекали царских министров к непримиримости и неуступчивости, но не позволяли проявлять слишком большую воинственность. Дело нужно было представить так, как будто войну навязывают насильно, чтобы царская Россия казалась подвергшейся нападению, а отнюдь не нападающей стороной.

В правящих кругах Франции относились к австрийскому ультиматуму и к германскому предупреждению о локализации австро-сербского конфликта весьма решительно. Но так как президент Пуанкаре и председатель совета министров Вивиани находились в пути, возвращаясь из поездки в Петербург, откуда они отправились в обратное плавание 23 июля в 5 часов вечера, оставшиеся в Париже министры не могли дать решительного ответа австро-германским дипломатам и предпочитали оттягивать время, выжидая инструкций от Пуанкаре.

Однако на заседании совета министров, состоявшемся 24 июля, было решено исподволь принимать предварительные меры к проведению мобилизации.

В Лондоне Грей продолжал свою двуличную игру. Получив копию ультиматума и охарактеризовав его как «самый страшный документ, который какое-либо государство предъявляло другому», Грей заявил австро-венгерскому послу, что обвинение, содержащееся в ультиматуме Сербии в соучастии в сараевском убийстве, и ряд требований оправданы и намекнул ему, а равно и германскому послу Лихновскому, что Англии нет никакого дела до австро-сербского спора.

Согласно отчету Лихновского Грей сказал: «Пока дело идет о локализации борьбы между Австрией и Сербией ему, Грею, нет никакого дела до этого, но вопрос будет стоять иначе, когда общественное мнение в России принудит ее выступить против Австрии... Опасность европейской войны, в случае если Австрия вступит на сербскую почву, надвинется самым непосредственным образом. Последствия подобной войны вчетвером — он нарочито подчеркнул слово четыре и подразумевал под

этим Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию — невозможно будет учесть».

Таким образом в разговорах с дипломатами австро-германского блока Грей намекнул, что Англия не примет участия в войне Франции и царской России с австро-германским блоком, а такой вариант войны, как мы знаем по расчетам германского министерства иностранных дел, считался весьма выгодным для Германии.

Наоборот, французскому послу Полю Камбону Грей подчеркнул, что делом царской России является выступить на защиту Сербии, отказавшись в то же время влиять умиротворяющим образом на царскую Россию до тех пор, пока между царской Россией и Австрией не возникнет осложнений, т. е. пока царская Россия не выступит на защиту Сербии.

Кроме того Грей предложил Камбону организовать посредническое выступление четырех держав, не заинтересованных в австро-сербском конфликте — Франции, Германии, Италии и Англии; но это посредническое выступление по мнению Грея должно быть предпринято только в том случае и после того, как Австрия вторгнется в Сербию, и Россия в ответ на это выступит против Австрии, т. е., фактически, когда дело дойдет до столкновения России с Австрией, по крайней мере до русской мобилизации.

Такая программа действий развязывала царскому правительству руки в отношении военного выступления против Австрии на поддержку Сербии, иначе говоря, форсировала ответное выступление Германии и тем самым мировую войну.

24 июля в 8 часов вечера Грей получил из Петербурга телеграмму, в которой Бьюкенен сообщал о совещании с Палеологом и Сазоновым, о франко-русском сговоре и требованиях Сазонова и Палеолога, чтобы Англия примкнула к Франции и царской России и о том, что Франция и царская Россия решили не останавливаться даже перед началом европейской войны. Телеграмма Бьюкенена показала Грею, что Франция и царская Россия решили действовать до конца. Прочитав эту телеграмму, Грей решил форсировать войну дальше. Для этой цели он решил подбодрить Сербию, побудить ее к большей настойчивости в вопросе австрийских требований, так как это был самый надежный способ ускорить выступление Австрии против Сербии и выступление царской России с оружием в руках на поддержку Сербии, т. е. начать мировую империалистскую войну.

24 июля в 9 часов 30 минут вечера Грей отправил английскому дипломатическому представителю в Сербии следующую историческую телеграмму:

«Мне кажется, что Сербии следовало бы выразить сожаление о том, что какой-либо чиновник, хотя и мелкий, мог быть соучастником убийства эрцгерцога и если это будет доказано — обещать дать самое полное удовлетворение... Единственным шансом было бы дать к назначенному сроку благоприятный ответ на возможно большее число пунктов и не встречать австрийских требований голым отказом. Посоветуйтесь с вашими русскими и французскими товарищами о подаче этого сообщения австрийскому правительству. Я не могу взять на себя ответственность советовать больше этого и мне не нравится давать этот совет, не зная, что говорят русские и французские правительства в Белграде».

Эта телеграмма фактически предписывала английскому дипломатическому представителю в Белграде согласовать свое выступление с выступлениями русского и французского дипломатических представителей. Грей фактически одобрял тот курс действий, который царская Россия и Франция могли усвоить в Белграде во исполнение решений, принятых во время пребывания Пуанкаре в Петербурге.

Копия этой телеграммы была послана в Петербург и в Париж, для того чтобы царское правительство и правящие круги Франции могли знать, что Грей одобряет выступление царской России и Франции на поддержку Сербии.

В английском министерстве иностранных дел оценили сообщение Бьюкенена по достоинству:

«Франции и России пришлось принять вызов, брошенный им. Что бы мы не думали о правильности австрийских обвинений против Сербии, Франция и Россия считают, что они — предлог и что окончательно завязан большой крупный спор Тройственного союза против Тройственного согласия... Трудно не согласиться с Сазоновым, что рано или поздно Англия будет втянута в войну, если последняя вспыхнет. Если вспыхнет война, и Англия останется в стороне, может случиться одно из двух:

1. Либо победят Германия и Австрия, раздавят Францию и унизят Россию. С уничтожением французского флота, с оккупацией Германией Ламаншского канала при добровольном или вынужденном сотрудничестве Голландии и Бельгии, каково будет положение Англии, оставшейся без друзей?

2. Либо победят Франция и Россия. Каково будет тогда их отношение к Англии? Что будет с Индией и Средиземным морем? Наши интересы связаны с интересами Франции и России в этой борьбе, которая является борьбой не за овладение Сербией, но борьбой между Германией, стремящейся к

политической диктатуре в Европе, и державами, дорожащими сохранить личную свободу».

Сообщение Бьюкенена побудило английских империалистов приступить к действиям. Английский флот был уже готов. Он был мобилизован в порядке пробной мобилизации в середине июля и находился в полной боевой готовности. Поэтому подготовка к войне началась с того, что флот решили не демобилизовывать.

Одновременно Грей предложил посредничество для улаживания конфликта, но отнюдь не для того, чтобы конфликт был действительно мирно улажен, так как 25 июля Грей трижды советовал царскому правительству возможно скорее начинать мобилизацию. Одновременно он посоветовал сделать то же самое и австрийским империалистам, объявив, что Англия сохраняет за собой свободу действия.

По признанию Грея предложение о посредничестве было сделано им только для того, чтобы дать царской России выиграть время для своей мобилизации, проходящей более медленно, чем германская.

В своих воспоминаниях Грей признается: «Я полагал, что военные приготовления Германии к войне зашли гораздо дальше вперед, чем приготовления Франции и России. Конференция дала бы последним двум державам время приготовиться и изменить положение к невыгоде Германии, которая теперь (до конференции) имела явное преимущество».

Так в период 24—25 июля Грей развязывал по поручению британских империалистов мировую войну, поощряя и подталкивая и русских и австрийских империалистов начать мобилизацию.

В царской России в эти дни также времени не теряют. 25 июля на совещании совета министров Николай одобрил мобилизацию 4-х военных округов против Австро-Венгрии, но сразу мобилизацию не объявили для того, чтобы не встревожить противников и выиграть время для подготовки армии к войне. Начинаются усиленные перевозки русских войск, эвакуируется пограничная полоса, проверяется вооружение крепостей и т. д.

Одновременно Сазонов по советам Палеолога и Бьюкенена начинает переговоры с Австрией об изменении требований ультиматума. Переговоры имели одну цель: заговорить зубы австрийским и германским империалистам и выиграть время для мобилизации.

Во Франции втихомолку также принимаются меры по подготовке армии к мобилизации такого же характера, как и в царской России. Пуанкаре еще с дороги прислал царскому прави-

тельству телеграмму, в которой обещал полную и безоговорочную поддержку Франции, если дело дойдет до войны между Германией и царской Россией.

Тем временем не дремали и австро-германские империалисты. Правящая клика Германии сохраняла полное спокойствие — им было нечего делать: армия находилась в полной боевой готовности, и германские империалисты лишь подгоняли своего союзника действовать как можно скорее и энергичнее, не теряя времени на разговоры.

Австрийские империалисты меньше всего собирались заниматься такими разговорами. 25 июля сербское правительство дало ответ на австрийский ультиматум, в котором обязывалось исполнить все требования австрийских империалистов кроме двух: участие австро-венгерских чиновников в расследовании подготовки сараевского убийства в Белграде и создание в Белграде австрийской контрразведки для наблюдения и контроля над великосербским движением,— фактически над всей политикой Сербии. Этого было достаточно для австрийских империалистов, чтобы объявить ответ неудовлетворительным и разорвать дипломатические отношения.

Через 10 минут после получения сербского ответа, австрийский посол в Белграде Гизль по дороге на вокзал завез в сербское министерство иностранных дел ноту о разрыве дипломатических отношений и немедленно выехал со всем посольством из Сербии.

Но сербское правительство, пойдя на крупные уступки в своем ответе на австрийский ультиматум, перехитрило австрийское правительство. Ответ был составлен так покорно и так искусно, что в глазах широких масс нападающей стороной, как ни старались избежать этого австрийские империалисты, явилась Австро-Венгрия. Это ставило австро-германский империализм в невыгодное положение. К негодованию германских империалистов также выяснилось, что Австро-Венгрия может начать решительное наступление против Сербии только через 12 дней. Правящие же круги Германии понимали, что в этот промежуток времени противники будут заваливать германское и австрийское правительство предложениями о мирном улаживании конфликта. Так как в Берлине и в Вене ни в какой мере не собирались закончить конфликт мирной развязкой, то на такие предложения приходилось отвечать отказом. Но такие отказы ставили бы австро-германских империалистов в глазах широких масс в положение поджигателей войны, а Антанту в положение обороняющейся стороны.

Действительно такие предложения о посредничестве в мир-

ном улажении австро-сербского конфликта посыпались со всех сторон из Лондона, из Петербурга, из Рима.

Боясь, что войну с Сербией чего доброго в самом деле сорвут, правящая клика Австро-Венгрии решила форсировать дело и 28 июля, не предупредив второпях даже своего союзника, объявила войну Сербии.

После объявления войны на все предложения о посредничестве Берхтольд мог отвечать, что они пришли слишком поздно, так как Австро-Венгрия находится в войне с Сербией, и она не может прекратить войны, пока не добьется удовлетворения.

Тактика германских империалистов была более тонкая и хитрая. Так как предложения о посредничестве и мирном улаживании конфликта следовали одно за другим и на них германским империалистам было неудобно отмалчиваться, германский министр иностранных дел Ягов вызвал к себе австро-венгерского посла Сегени и заявил ему: германское правительство в ближайшее время препроводит в Вену ряд предложений Англии о посредничестве, но оно делает это только для того, чтобы учесть просьбу Англии и ни в коем случае не советует союзнику принять эти предложения. В настоящий момент в высшей степени важно, чтобы Англия не стала на сторону России и Франции, поэтому следует избегать всяких недоразумений между Англией и Германией.

Таким образом для внешнего мира Германия обращалась с миротворческими предложениями к своему союзнику, но предварительно предупредила его, чтобы он эти предложения не принимал всерьез.

Этот трюк позволил германскому правительству ответить Англии, что Германия не отклонила английские предложения, а передала их на рассмотрение в Вену, за ответ которой она ручаться не может.

Понятно, что после получения такого совета из Берлина австро-венгерские империалисты клали под сукно всякое предложение о посредничестве, в том числе и германское, которое германская правящая клика в конце концов и сделала 29 июля для того, чтобы показать, что и она тоже стремится к миру.

Тем временем подготовка к войне развертывалась полным ходом.

В воздухе явственно запахло порохом. Это побудило Вильгельма дать приказ о возвращении германского флота, плавающего у берегов Норвегии, в германские гавани и прервать свою поездку. Вильгельм вернулся в Берлин 27 июля.

Пуанкаре также прервал поездку по скандинавским странам

и повернул французскую эскадру к берегам Франции. В Париж он прибыл 29 июля.

Царские генералы тем временем развили такую энергичную подготовку к войне, что скрыть ее от австро-германских дипломатов и шпионов не представлялось никакой возможности. Германский посол в Петербурге Пурталес обратил внимание царского правительства на эту подготовку, указывая на возможность контрмер с германской стороны.

Царские дипломаты пытались одурачить германскую дипломатию «честным словом». Первым дал честное слово Сазонов, заявивший, что к мобилизации еще не приступили. Вторым дал честное слово начальник русского генерального штаба Янушкевич, имея в кармане подписанный Николаем указ о всеобщей мобилизации.

Такая же подготовка к войне происходила и во Франции, причем она велась настолько энергично, что 29 июля, по словам английского военного агента в Париже, для того, чтобы объявить мобилизацию, достаточно было «нажать кнопку».

В правящих кругах царского правительства в эти дни, 25—30 июля, происходила борьба между военщиной и гражданскими министрами. Генералы настаивали на объявлении всеобщей мобилизации, требуя ее уже с 24 июля.

Сазонов боялся встревожить всеобщей мобилизацией Германию и вызвать преждевременно ответ с ее стороны. Он предлагал провести всеобщую мобилизацию тайно, не объявляя о ней. Генералам стоило большого труда доказать нелепость и невозможность подобной меры. В кругах царской военщины, боявшейся прозевать срок, было решено обратиться непосредственно к Николаю и просить его подписать приказ о всеобщей мобилизации, так как частичная мобилизация не могла быть превращена во всеобщую без путаницы в перевозках войск[1].

В связи с этим 29 июля были изготовлены два указа: один о частичной и другой о всеобщей мобилизации, с которыми Янушкевич уехал в Петергоф к Николаю. Вернулся он с подписанным Николаем указом о всеобщей мобилизации и дав «честное слово русского офицера» германскому военному агенту о том, что мобилизация еще не объявлена, немедленно отправил своего помощника собрать подписи министров для заверки указа.

В 9 часов вечера 29 июля были мобилизованы все телегра-

---

1 Частичная мобилизация охватывала мобилизацию войск для борьбы с Австро-Венгрией, общая мобилизация охватывала мобилизацию всех военных сил царской России. Особенностью мобилизационных планов царского генерального штаба было то, что частичная мобилизация не могла быть превращена во всеобщую без путаницы в перевозках войск.

фисты главного телеграфа Петербурга для рассылки указа о мобилизации во все уголки России, но в последнюю минуту военный министр Сухомлинов сообщил по телефону, что Николай отменил приказ о всеобщей мобилизации и приказал объявить частичную.

Решение Николая было вызвано телеграммой Вильгельма, говорившей о посредничестве. Царское правительство колебалось, стоит или не стоит рисковать, и предпочло выиграть время, пока окончательно определится позиция Англии.

Вечером 29 июля германский посол Пурталес, по приказу из Берлина, предупредил Сазонова, что «дальнейшее продолжение русских мобилизационных мер вынудит нас к мобилизации и что тогда европейской мобилизации вряд ли удастся избежать».

Одновременно пришла телеграмма о том, что австрийские войска бомбардируют Белград.

На состоявшемся после этого совещании совета министров, начальника генерального штаба и Сазонова было решено, что «ввиду малого вероятия избежать войны с Германией необходимо всячески своевременно подготовиться к таковой, и поэтому нельзя рисковать задерживать общую мобилизацию впоследствии, путем проведения ныне мобилизации частичной».

Сазонов сообщил решение совещания Николаю, который одобрил решение, но, получив через час телеграмму Вильгельма о посредничестве, отменил всеобщую мобилизацию.

Утром 30 июля на новом совещании с генералами было решено просить у Николая указ о мобилизации.

Сазонов отправился в Петергоф, где Николай подписал указ о всеобщей мобилизации. Вечером того же дня телеграммы о всеобщей мобилизации были разосланы во все концы России.

Всеобщая русская мобилизация дала германской правящей клике желанный предлог форсировать войну, изображая Германию обороняющейся от царской России стороной.

После мобилизации царской России события быстро пошли к развязке. В Берлине узнали о русской мобилизации 31 июля и немедленно предписали германским послам в Петербурге и в Париже предъявить ультиматумы. Германский ультиматум царской России требовал отмены мобилизации в течение 12 часов под угрозой объявления войны. Германский посол в Петербурге Пурталес вручил ультиматум Сазонову в 12 часов ночи 31 июля. Срок ответа на ультиматум истекал в 12 часов пополудни 1 августа.

Днем 1 августа Пурталес получил из Берлина текст ноты с объявлением войны и в 7 часов вечера, после отказа Сазонова

принять меры для отмены всеобщей мобилизации, объявил от имени Германии войну царской России.

События в Париже развивались следующим образом.

После возвращения Пуанкаре в Париж 29 июля заседание совета министров подтвердило решение Пуанкаре поддержать царскую Россию. Утром 30 июля совет министров разрешил военным властям выставить для охраны франко-германской границы войска прикрытия, приблизительно $^1/_4$ всей французской армии, что фактически означало частичную мобилизацию французской армии.

31 июля французское правительство получило извещение, что Германия в ответ на всеобщую мобилизацию царской России объявила состояние «угрозы войны». Германский посол в Париже Шен вечером предъявил ультиматум с запросом со стороны германского правительства о том — намерена ли Франция остаться нейтральной в русско-германской войне. Для ответа на этот ультиматум давалось 18 часов. В секретном приложении к ноте, которую Шен должен был вручить французскому правительству только в том случае, если французское правительство соглашалось на нейтралитет в русско-германской войне, германские империалисты требовали передачи им в залог французских военных крепостей вдоль франко-германской границы до окончания войны с царской Россией.

Вечером пришла телеграмма Палеолога из Петербурга, извещавшая о русской всеобщей мобилизации. Итальянское правительство уведомило Францию, что в предстоящей войне Италия сохранит нейтралитет и не выступит на стороне австро-германского блока.

Поздно ночью на заседании совета министров было решено объявить всеобщую мобилизацию. Декрет о ней был изготовлен и вручен военному министру Мессими.

Чтобы не затруднять мобилизацию и создать впечатление «гражданского мира», совет министров высказался против арестов деятелей социалистической партии, представители которой кстати накануне вечером обещали французскому правительству полную помощь и поддержку. 31 июля известный французский революционный деятель Жорес, выступавший против войны, был застрелен наемным убийцей.

Утром 1 августа будущий главнокомандующий генерал Жоффр потребовал немедленной рассылки декрета о мобилизации. Совет министров принял предложение Жоффра. Было решено подписать декрет о всеобщей мобилизации и отложить рассылку его на несколько часов, но не позже 4-х часов 1 августа, так как отправка приказа о мобилизации по телеграфу позже

этого срока не гарантировала, что известие будет получено во всех уголках Франции в тот же день.

После заседания совета министров, премьер-министр Вивиани принял германского посла, приехавшего за ответом на врученный накануне ультиматум.

Вивиани уклончиво ответил: «Франция будет делать то, что повелевают ей ее интересы».

В 3 часа 30 минут помощник Жоффа получил декрет о мобилизации и отправился на телеграф.

По признанию французского военного министра Мессими «в ту минуту, когда телеграф начал передавать приказ, господин Вивиани, вошел в мой кабинет; он попросил еще немного задержать телеграмму. Посоветовавшись по телефону, я ответил ему что телеграмма уже передана и что начали приниматься первые меры. Уже было поздно, механизм был пущен в ход».

Можно ли было действительно или нельзя задержать отправку телеграммы о мобилизации? Повидимому можно, технически это не представляло ничего затруднительного, но французские генералы, дорвавшиеся в конце концов до приказа о мобилизации, поспешили пустить ее в ход, чтобы не было возврата назад.

Так было и в Петербурге, где начальник генерального штаба Янушкевич обещал сломать свой телефон, как только он получит приказ о мобилизации, чтобы нельзя было отменить его рассылку в последний момент.

Отправив приказ о мобилизации, французский генеральный штаб обратился к царскому правительству с просьбой воздействовать на Сербию и побудить ее начать наступление против австрийской армии, чтобы связать возможно больше австро-венгерских войск на сербском фронте.

Одновременно французский генеральный штаб сообщил, что наиболее желательным направлением удара русских войск является удар со стороны Варшавы.

Так, в июльские дни 1914 г. французские империалисты осуществляли тот план наиболее выгодного для Антанты начала войны, который был разработан в ноябре и декабре 1912 г.

Вечером 1 августа из Петербурга пришло известие, что Германия объявила войну царской России. Французские правящие круги, на просьбу царского посла в Париже Извольского ускорить объявление войны, ответили отказом.

Как сообщал Извольский в Петербург, «Пуанкаре самым категорическим образом заявил мне, что как он сам, так и весь совет министров имеют твердую решимость самым точным образом выполнять обязательства, налагаемые на Францию дого-

вором о союзе. Но при этом возникает ряд весьма сложных вопросов... Правительству... для объявления войны требуется постановление парламента... Хотя Пуанкаре не сомневается в этом постановлении, он предпочел бы избежать публичных прений о применении союзного договора, поэтому и по соображениям, касающимся главным образом Англии, было бы лучше, если объявление войны последует со стороны не Франции, а Германии... Впрочем Пуанкаре указал, что Германия не будет ожидать объявления ей войны и, не дав Франции закончить мобилизацию, неожиданно ее атакует».

Действительно расчеты Пуанкаре оправдались. Германские империалисты первые объявили войну Франции 3 июля.

Почему Пуанкаре стремился к тому, чтобы объявление войны последовало со стороны Германии, а не со стороны Франции? Он хотел избежать в парламенте прений о применении франко-русского союзного договора. По договору, который держался в строжайшем секрете, Франция обязывалась оказывать помощь царской России против Германии только тогда, когда Германия нападет на царскую Россию. Признаком этого нападения, как было условлено еще в 1890—1891 гг. при заключении франко-русского договора, являлась германская мобилизация. Но царское правительство в июле 1914 г. формально объявило всеобщую мобилизацию раньше Германии. Хотя французская буржуазия ввязывалась в войну для защиты своих собственных интересов, а не в силу договора с царской Россией, но при обсуждении в парламенте договора о союзе с этой точки зрения могли найтись отдельные депутаты, которые осложнили бы объявление войны неприятными запросами и прениями. Наоборот, если бы германское правительство первое объявило войну Франции, тогда Франция становилась в положение страны, обороняющейся, и «на защиту отечества от германского врага» было бы гораздо легче поднять широкие массы.

Германия, которая согласно плану Шлиффена собиралась в кратчайший срок разгромить Францию, не думала медлить. Германское правительство объявило войну Франции 3 августа. Французский парламент был созван 4 августа, на другой день после объявления войны Германией. Всяких неприятных вопросов или критики действий правительства со стороны «диких» депутатов французским организаторам войны удалось избежать. Договор о союзе даже не прочитали. Как признает сам Пуанкаре: «В 1914 г. не нашлось ни одного депутата, чтобы задать вопрос относительно договора... все твердо верили, что исполняют долг чести и перед союзницей и перед родиной».

Таким образом французским империалистам удалось изо-

бразить дело так, будто на Францию напали, и Франция обороняется.

Объявление войны Германией Франции давало еще одну выгоду: пользуясь этим объявлением войны, можно было просить у Англии помощи для защиты от германского нападения, которую английские империалисты в силу соглашения между Англией и Францией 1912 г. были обязаны оказать. Уже с 29 июня французские империалисты бомбардируют просьбами английских, требуя от них помощи и выступления против Германии.

27 июля Грей на совещании кабинета, угрожая своей отставкой, потребовал выступления Англии на стороне Франции и царской России. В английском правительстве начался раскол. Большинство членов правительства, состоявшие из либералов-пацифистов высказались против участия в данный момент Англии в предстоящей войне: 4 министра — организатора войны голосовали за участие в войне, 10 — голосовали против, 5—6 министров воздержались от голосования, собираясь примкнуть к той стороне, которая окажется сильнее.

Заседания английского правительства происходили ежедневно, а иногда и по два раза в день.

Вопрос об участии Англии в войне стал предметом ожесточенной борьбы, но большинство кабинета систематически и упорно высказывалось против участия Англии в войне. Министры — организаторы войны, правда, не стеснялись и проводили мобилизационные меры на суше и на море, но позиция большинства правительства осложняла положение.

Согласно планам войны, разработанным английским и французским генеральным штабами, мобилизация в Англии и во Франции должна была произойти в один и тот же день, чтобы английская армия могла принять участие в решающих боях первых недель войны. Разногласия в правительстве осложняли выполнение этого плана.

С другой стороны, Грею приходилось все дни подвергаться нажиму со стороны французских империалистов, которые требовали выполнения Англией данных Греем обещаний о поддержке, но сделать что-нибудь существенное в этом отношении до решения правительства он не мог.

В связи с этим между Францией и Англией дело дошло до взаимных обвинений. Французские империалисты начали обвинять английскую правящую клику в предательстве. Французский посол в Лондоне Поль Камбон публично заявил, что «Англия нас предала», что «слово «честь» должно быть изъято

из английского словаря» и что «знает ли Англия вообще, что такое слово — честь». Английский посол в Париже Берти в эти дни — 31 июля — 1 августа — держал ворота посольства на запоре, боясь оскорблений со стороны демонстрантов.

Не будучи в состоянии добиться от кабинета официального одобрения своим планам, министры — организаторы войны мобилизовали на помощь консерваторов, которые, единодушно высказывались за войну. Руководство консервативной партией отправило утром 2 августа премьер-министру и главе либеральной партии Асквиту письмо, в котором заявляло:

«Было бы роковым и гибельным для чести и безопасности Англии колебаться в поддержке Франции и России. Мы предлагаем безоговорочную поддержку нашей партии правительству во всех мероприятиях, которые будут сочтены необходимыми вследствие вмешательства Англии в войну».

На заседании кабинета, которое состоялось до получения письма Асквитом, расхождение между министрами достигло высшего напряжения.

Германские войска уже вступили в Люксембург — маленькое княжество, находящееся между Бельгией, Францией и Германией. Было ясно, что на другой день они вторгнутся в Бельгию. Грей и Асквит поставили перед министрами-пацифистами вопрос, что должна делать Англия, если германские войска нарушат нейтралитет Бельгии, и получили ответ: ограничиться нотой протеста; Грею все же удалось добиться согласия кабинета сообщить французскому правительству, что «английский флот будет готов оказать всяческую военную защиту в случае, если германский флот появится в Ламаншском канале или Северном море, с целью начать враждебные действия против французских берегов или судоходства... Это заверение конечно давалось при условии, что правительство получит поддержку парламента и не должно означать для правительства никакого обязательства к действиям, пока фактически не произойдет вышеупомянутое выступление германского флота». (Беседа Грея с Камбоном 2 августа 1914 г.)

Такое обещание поддержки было весьма условно и ни в коей мере не покрывало обещания английских империалистов отправить свою армию во Францию для участия в войне против Германии. О высадке английской армии во Франции Грей на заседаниях кабинета даже не заикался. В правящих кругах Англии такая высадка считалась крайне рискованной и опасной мерой даже после объявления Англией войны Германии.

Вечером 2 августа Асквит, получив письмо консерваторов

и переговорив с руководством консервативной партии, решил форсировать развязку и «взорвать кабинет».

На заседании кабинета утром 31 августа он заявил министрам, что те из них, кто высказывается против немедленного вступления Англии в войну, должны будут покориться. Иначе он вручит отставку правительства английскому королю и образует новое правительство в составе либералов — сторонников войны и консерваторов.

Часть министров — противников войны — всего три — ушли в отставку; остальные остались на своих постах. Слова либералов о пацифизме и борьбе против войны оказались дешевой фразой, так как ушедшие в отставку министры поедпочли покрыть молчанием деятельность организаторов войны.

После заседания совета министров Грей выступил в парламенте с речью о международном положении. Весь смысл его речи сводился к тому, что у Англии нет и не было до 2 августа никаких обязательств перед Францией. Мы свободны, и парламент свободен в выборе своего решения. Переговоры военных и морских властей не связывают оба правительства. Грей прочел соглашение от 22 ноября 1912 г. между Францией и Англией, опустив его конец, где говорилось о военном сотрудничестве обеих держав в случае войны и сообщил о том условном обязательстве защиты северного побережья Франции, на которое решилось правительство накануне.

Затем Грей напомнил парламенту о бельгийском нейтралитете, прочел обращение короля Бельгии с просьбой о помощи и закончил речь прочтением принесенного ему — пока он стоял на трибуне — германского ультиматума Бельгии.

Повод к войне был и притом подходящий: — «защита Бельгии».

Речь Грея была одобрена консерваторами и правым крылом либералов.

Вечером Грей отправил английскому послу в Берлин приказ запросить Германию ультиматумом о том, намерена ли Германия уважать нейтралитет Бельгии? В случае неудовлетворительного ответа английский посол должен был потребовать свой паспорт и выехать из Германии.

4 августа было получено сообщение из Берлина, что Германия отказывается дать ответ. Английское правительство известило тогда германского посла в Лондоне, что Англия считает себя в состоянии войны с Германией.

Германия провоцирует развязывание мировой войны

Все это время австрийские и германские империалисты, со своей стороны, лихорадочно раздували пожар войны. Роли между ними были распределены. Германская правящая клика, как мы уже говорили, предупредила своего союзника не обращать внимания на все предложения о посредничестве или мирном улаживании конфликта и вести линию на войну до конца.

Пока державы Антанты изощрялись в предложениях посредничества, которые, кстати сказать, ничуть не запрещали русской и австрийской мобилизации, а только открытие военных действий,— Берлин молчал, и одно это молчание выставляло германских империалистов в невыгодном свете. Поэтому германское правительство в конце концов сочло необходимым выступить с предложением посредничества со своей стороны.

Утром 28 июля Вильгельм, ознакомившись с текстом сербского ответа на австрийский ультиматум, пришел к следующему выводу:

«Здесь оповещается капитуляция самого унизительного сорта и в результате отпадает всякий повод к войне. Все же это кусок бумаги, так как его содержание имеет только ограниченную ценность, пока оно не воплощено в жизнь... Для этой цели нужно, чтобы Австрия для проникновения и выполнения обещаний оккупировала Белград и удержала его до тех пор, пока требования будут действительно выполнены. На этих условиях я готов сотрудничать относительно мира с Австрией. Противные предложения или протесты других государств я буду отклонять безусловно».

Это «предложение мирного посредничества» ставило условием мирного урегулирования конфликта... оккупацию австрийцами Белграда, т. е. дальнейшую провокацию войны.

Понятно, что подобный торг с точки зрения английских мере не обеспечивало сохранение мира, а было лишь попыткой переложить ответственность за войну на противника. Но в Берлине война считалась трудной и тяжелой только в том случае, если в ней принимала участие Англия.

Бетман Гольвег телеграфировал это предложение о посредничестве в Вену, приказав Чиршки:

«Вы должны тщательно избегать создавать впечатление, что мы желали бы сдержать Австрию. Дело идет лишь о том, чтобы найти способ, который бы позволил осуществить преследуемые Австро-Венгрией цели — обрезать жизненный нерв ве-

ликосербской пропаганды, одновременно не развязывая мировой войны, и если этого в конце концов не избежать, то сколько возможно улучшить условия, в которых придется вести ее».

Приказ Бетмана Гольвега служит достаточным свидетельством того, что германское правительство, выступая с подобным предложением посредничества, стремилось лишь одурачить своим показным «миролюбием» широкие массы, но не стремилось в действительности к сохранению мира.

Правящая клика Германии советовала своему союзнику сделать хотя что-нибудь для соблюдения приличий и переложения ответственности за войну на противника и пыталась при помощи всякого рода дипломатической шумихи оттянуть срок развязки до 12 августа, когда Австрия должна будет закончить свою мобилизацию.

Ряд инструкций Бетмана Гольвега, посланных в Вену в период 28—31 июля, преследуют именно два этих мотива: создать впечатление, что «мы желали бы сдержать Австрию» и второе — при помощи дипломатических переговоров выиграть время для окончания австрийской мобилизации и продемонстрировать перед широкими массами свое наружное миролюбие, чтобы перебросить ответственность за войну на противника.

Германия, будучи подготовленной к мобилизации, могла бы ее провести с молниеносной быстротой; можно было даже сначала объявить войну, а потом уже объявить мобилизацию — особой разницы не было бы.

Но правящую клику Германии эти дни тревожил другой вопрос — какова будет позиция Англии? Вмешается ли английское правительство в войну или быть может Берлину удастся заговорить зубы английским империалистам и хотя бы на несколько недель отсрочить вступление Англии в войну. Эти несколько недель были исключительно важны, так как по плану германского генерального штаба разгром французской армии должен был произойти в течение первых шести недель.

Поэтому в Берлине не жалели усилий для того, чтобы заговорить зубы английским империалистам. Германские дипломаты пробовали всяческими мерами обработать общественное мнение Англии. Вильгельм послал в Англию своего брата принца Генриха для переговоров с королем и прощупывания настроения английской правящей клики. 29 июля принц Генрих вернулся из Англии и привез утешительное известие: английский король дал честное слово, что приложит все усилия, чтобы Англия не была втянута в войну.

Это двусмысленное обещание было встречено Вильгельмом с восторгом и в Берлине решили как-нибудь компенсировать ан-

глийских империалистов за подобную милость. С этой целью после совещания с Вильгельмом Бетман Гольвег вечером 29 июля вызвал к себе английского посла и заявил ему, что в случае мирового пожара: «Мы надеемся, что Англия останется зрителем... Мы могли бы уверить английский кабинет при условии его нейтралитета, что мы сами в случае победоносной войны не преследуем территориального приобретения насчет Франции в Европе. Мы могли бы уверить его в том, что будем уважать нейтралитет и целость Голландии до тех пор, пока они будут уважаться нашими противниками. Что же касается Бельгии, то мы не знаем к каким контроперациям могло бы вынудить нас выступление Франции в случае войны; но при условии, что Бельгия не присоединится к нашим противникам, мы были бы готовы и в этом случае дать заверение, согласно которому целость Бельгии не будет затронута по окончании войны».

Таким образом германские империалисты обещали английским за нейтралитет не грабить самое Францию, а только ограбить ее колонии и после войны восстановить Бельгию, нейтралитет которой Германия во время войны нарушит.

Понятно, что подобный торг с точки зрения английских империалистов был нелепостью. Им предлагали булавку за дом. Нарушение бельгийского нейтралитета не представляло ничего ужасного,— из предвоенных дипломатических документов видно, что бельгийский нейтралитет собирались одинаково нарушить и Германия и Антанта.

Но нарушение нейтралитета Бельгии Германией уже с 1906 г. считалось в кругах английских империалистов удобным предлогом для того, чтобы поднять на войну с Германией народные массы.

Понятно, что в Лондоне английские организаторы войны с тайной радостью и напускной гордостью заявили, что они отказываются «вести бесчестный торг о Бельгии» и сумели широко использовать тактическую ошибку германского правительства для пропаганды в массах.

После беседы с английским послом Бетман Гольвег получил телеграмму из Лондона, в которой сообщалось, что Грей предупредил, что в случае европейской войны Англия не останется нейтральной.

Правящие круги Германии следовательно заблаговременно знали, что дело идет к мировой войне.

Телеграмма Грея показала, что Англия не останется в стороне. Это так рассердило Вильгельма, что он не сдержался и исчеркал телеграмму из Лондона следующими живописными пометками:

«Англия открывает свои карты в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и с нами, так сказать, покончено. Гнусная торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами... Наглым обманом являются слова короля: «Мы останемся нейтральными и постараемся держаться в стороне от этого». Грей изобличает короля во лжи: «гнусный сукин сын».

После этого предупреждения Грея, германские империалисты поняли, что заговорить зубы английским им не удастся. Им приходилось рассчитывать на самый тяжелый вариант войны.

В этих условиях приходилось принимать все меры для того, чтобы обмануть массы, одурачить их и создать необходимое военное настроение. Нужно было во что бы то ни стало фигурировать в роли обороняющейся стороны, чтобы иметь возможность сказать: мы стремились к миру, но на нас напали и мы защищаемся. Поэтому Берлин в период 30—31 июля умоляет Вену сделать хоть какой-нибудь жест в этом направлении и развить игру по одурачиванию масс. Но австрийские империалисты, что называется, закусили удила и продолжали тактику упорных отказов на все предложения о посредничестве. Невзирая на просьбы Берлина, они решили объявить всеобщую мобилизацию до получения еще сведений из Петербурга об объявлении всеобщей мобилизации в царской России.

Германскую правящую клику выручила из затруднения мобилизация царской России.

К русской мобилизации в кругах военщины относились до сих пор совершенно хладнокровно, ибо война против Франции и царской России считалась не слишком трудной войной, но русская мобилизация давала прекрасный предлог сказать массам, что на Германию напали и что Германия обороняется.

Поэтому, когда пришло известие о русской мобилизации, германская правящая клика немедленно объявила состояние угрозы войны и направила ультиматумы царской России и Франции.

Так как ни французские, ни русские империалисты не хотели итти на попятную,— Германия объявила 1 августа войну царской России и 3 августа — войну Франции.

Германские войска вторглись 2 августа в Люксембург, 3 августа в Бельгию, что привело Германию к войне с Англией.

Так была организована и развязана мировая империалистская война 1914—1918 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

I глава. *Причины мировой войны 1914—1918 гг.*

Неизбежность войн при капитализме — 3
Англо-германские противоречия — 9
Франко-германские противоречия — 19
Русско-германские и русско-австрийские противоречия — 22
Австро-сербские противоречия — 26

II глава. *Подготовка Тройственного союза и Антанты к войне в период 1904—1914 гг.*

Цепь взаимных провокаций — 28
Подготовка Австро-германского блока к войне — 32
Подготовка Антанты к мировой войне — 38

III глава. *Дипломатическое развязывание войны в июле 1914 г.*

Сараево как предлог для развязывания войны — 50
Австро-германский сговор — 51
Сговор Антанты — 59
Австрийский ультиматум и позиция Антанты — 61
Германия провоцирует развязывание мировой войны — 78

Проф. Полетика

Подготовка империалистской войны 1914—1918 гг.

Редактор *Рубинштейн*. Техред. *Мартынюк*.

Сдано в набор 22/VII 1934 г. Подписано в печать 31/VII 1934 г.
Формат 82×111/32, 5 1/4 печ. л. 80.256 зн. в печ. л. ОГИЗ № 1380. Тираж 10.000.
Заказ 155. Уполн. Главлита Б—39086.

11-я тип. и школа ФЗУ Мособлполиграфа, 2-я Рыбинская, 3.

Цена 65 к.

23819

Заказы направлять во все магазины и киоски КОГИЗа. Почтовые заказы направляйте без задатка: Москва, Блюхеровский пер., 8, МОГИЗ „Книга—почтой".

Склад издания: Сектор партийной и комсомольской литературы КОГИЗ, Москва, Блюхеровский пер., 8.